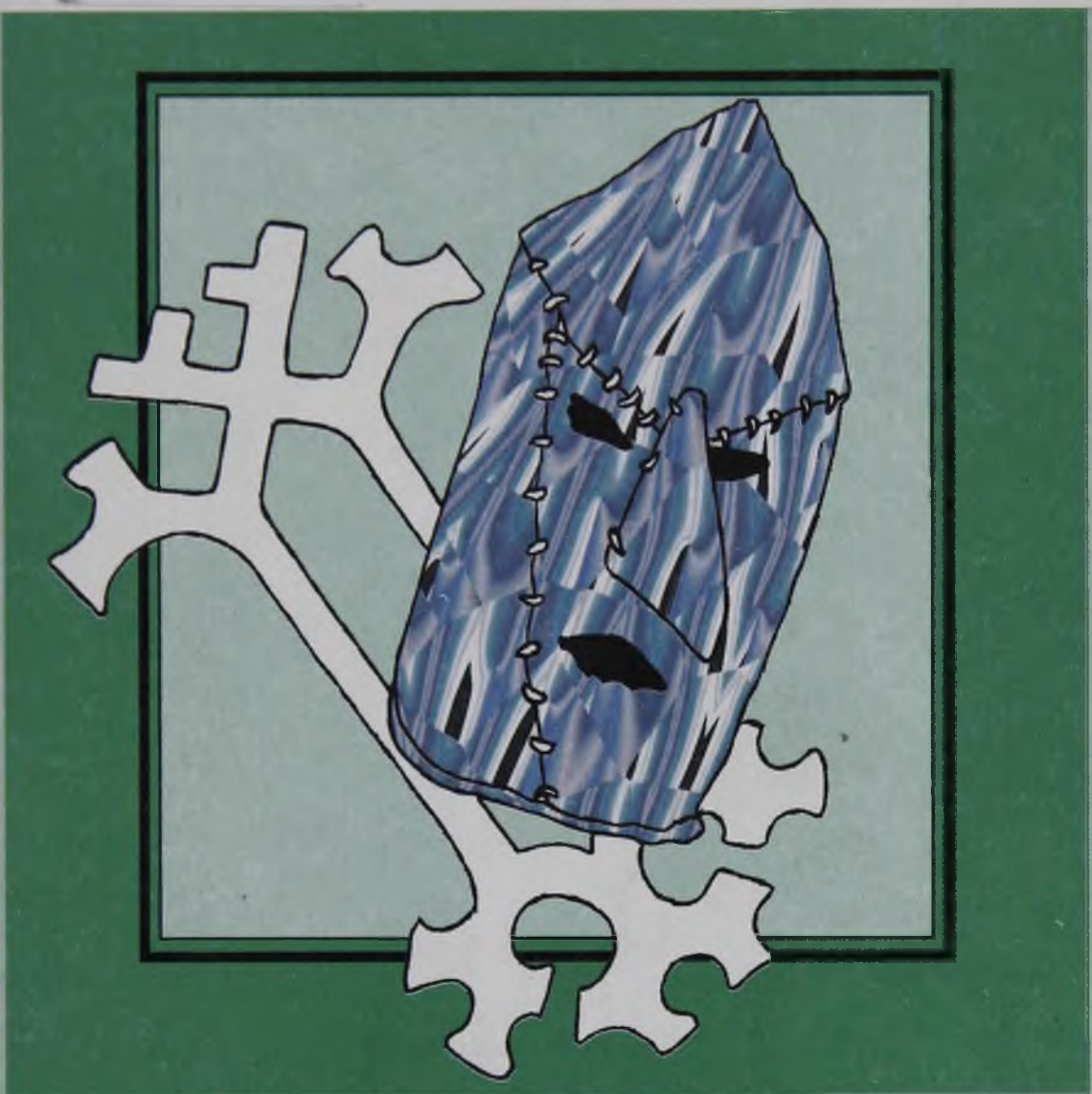

10

К Н.О
Т.У.1

Библиотечка
журнала

Г. ТИМОФЕЕВ

**МУЗЫ
НАРОДОВ
ЮГРЫ**

Г.Н.Тимофеев

МУЗЫ НАРОДОВ ЮГРЫ

Очерки по истории художественной
культуры народов Обского Севера

г. Сургут

Библиотечка журнала "Югра"

1997 г.

- 54836 -

Ханты-Мансийская
окружная библиотека

КО

82.3(2)7.0
Т 41

ББК

ТИМОФЕЕВ Г.Н.

Т67 Музы народов Югры: очерки по истории художественной культуры народов Обского Севера.- Сургут, редакция журнала "Югра", 1997 г. 97 стр.

Историк-краевед из пос. Октябрьское Тюменской области Геннадий Николаевич Тимофеев много лет занимается изучением духовной культуры народов Югры. Им написаны сотни статей, десятки художественных картин. Он постоянный автор историко-культурного журнала "Югра". В 1996 году в Библиотечке журнала вышла его книга "Тайны сибирских шаманов". Недавно Угро-Ямальской писательской организацией Геннадий Николаевич принят в члены Союза писателей России.

Новая книга Г.Н.Тимофеева "Музы народов Югры" - это очерки по истории художественной культуры малых народностей Тюменского Севера с древнейших времен до второй половины XX века. Она рассчитана на широкий круг читателей.

Т 4702000000-7
Г-55(03) - 97

ISBN5-8260-0039-2

© Тимофеев Г.Н., 1997 г.

ПРОЛОГ

В этнографической науке уже давно сложилось твердое убеждение, что традиционное искусство народов Севера, несмотря на его утилитарное содержание и религиозно-мистическую направленность, было высокохудожественным. Исследователи прошлого века П.С.Паласс, Н.Л.Гондатти, Н.Н.Харузин, Н.Н.Кориков и др. отмечали, что все обряды обских угров отличались высоким художественным уровнем пения, плясок, музыки, комизма и драматизма.

Народное искусство в обрядах обских угров в полном объеме отражало общность целей, интересов, мыслей, чувств и социальных отношений, оно было средством приобщения всех и каждого к художественной культуре этноса. Оно было классическим примером подтверждения глубинного отражения всей их реальной жизни в традиционном оформлении.

Искусство, включенное в обряды и обычаи, несло на себе совокупность способов производства и потребления художественных ценностей. Благодаря информационной и морфологической возможностям, оно формировало самобытную художественную культуру обских угров.

Моя книга - это бережное отношение к сохранению духовного богатства прошлого, это большое внимание к сегодняшним проблемам народностей Обского Севера. Мое желание - показать, сохранить и приумножить бесценное культурное достояние, которое взрастила щедрая земля Сибири.

С благодарностью Г.ТИМОФЕЕВ.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ИСКУССТВО

В конце лета 1948 года известный исследователь древнейшей культуры народов Обского Севера, этнограф, историк, художник Валерий Николаевич Чернецов с супругой и неизменным помощником своим Вандой Иосифовной Мошинской возвращались из научной командировки по реке Казым. На несколько дней они остановились в Мозьямах, как и прежде, на квартире у председателя колхоза Ивана Васильевича Яркина, с которым были знакомы давно по городу Ленинграду, где учился Иван Васильевич в конце 1930-х годов.

Валерий Николаевич пригласил меня, как и в первый свой приезд, составить ему компанию в зарисовке мест, но не северных, где мы весной зарисовывали деревянные изваяния, а южных окрестностей Мозямских юрт, по правому берегу реки Казым.

До занятий в школе оставалось еще две недели, ремонт был закончен, и я с радостью принял приглашение Валерия Николаевича.

Ванда Иосифовна эти три дня должна была заниматься приведением в порядок путевых заметок, записных книжек и неотложных хозяйственных дел.

На следующее утро, уложив в рюкзаки рыболовные снасти и охотприпасы, мы отправились к святилищу Чохрын-Ойки, во владения Казымской богини Вут-Ими. Обогнув сор, мы вошли в густой

лес и, минуя ржавые мочажины, по узкой, едва приметной тропинке, направились к святилищу.

Часа через три неторопливого хода мы оказались на берегу большого круглого озера. Тропинка неожиданно оборвалась почти на самом берегу у небольшой поляны, заросшей белым мхом. В середине поляны стояло толстое дерево, нижняя часть которого была утыкана ножами на высоте более одного метра. У корней старой лиственницы была насыпана горка железных ножей с деревянными рукоятками. Большая часть их была расколота и только те, которые были сделаны из березового капа, крепко держались на ножах.

На нижних сучьях деревьев, окаймляющих поляну, висели выцветшие лоскуты цветных платков, различных тканей, шелковых лент и меховых мешочков на сыромятных вязочках. В центре поляны находилось большое кострище. Недалеко от него, на вскопанных сваях, примерно на высоте полуметра, было укреплено длинное бревно. Это было жертвенное место. Как правило, жертвой были олени.

Святилище Чохрын-Ойки не вселяло гнетущего чувства, но мистическое ощущение и осознание священнодействия и ритуальных обрядов, связанных с ними, давили душу какой-то необъяснимой тяжестью, магической силой. Что это было? Этот вопрос я всегда задавал себе, когда проходил мимо таких мест в прибрежных урманах Казыма, Назыма, Тапсуя и Сосьвы. За долгие годы жизни в этих местах, глухих и малонаселенных, все свободное время отдавая тайге и охоте, таких святилищ мне повстречать довелось бесчисленное множество. И неважно, где это было: в Казыме или Назыме, на Оби или на Сосьве, я всегда ощущал одно и то же чувство необъяснимого беспокойства, какой-то явно ощутимой, но неведомой силы. Может быть, это было просто ощущение силы самогипнотического страха? Увы. Где бы я ни был, как бы ни старался оградить себя от этого страха, физическое осязание чьей-то силы в таких местах было постоянным.

Подобное же чувство я испытываю всегда при посещении православного храма, невольно осознавая реальность потустороннего

мира, его силу и неотвратимость неизбежного покаяния, так часто утрачиваемого нами в сумятице повседневных мирских грехов.

В те далекие годы такие места в приуральской тайге охранялись “законом”, освященного табу, традициями местного населения и глубочайшим уважением русских, которые жили здесь, еще не отравленные и не разрушенные атеизмом. Они питали к религиозным традициям всех иноверцев святые чувства и поклонение. В этом всеединстве веры жила и процветала ушедшая Русь, процветала Сибирь, в которой с одинаковой верой и чувством святости почитали в равной мере храм и святилища новокрещенных неопитов тайги и тундры.

К вечеру стало прохладнее. Валерий Николаевич, взяв свой походный спиннинг, отправился на берег озера, чтобы поймать на ужин рыбу. Мне надо было заготовить дрова и соорудить на ночь нодью, сделать навес и лежанку из еловых ветвей. Оставшись один, я еще больше уловил в душе чувство необъяснимой тревоги. Эти ощущения были острыми и тревожными.

Вскоре вернулся Валерий Николаевич с двумя щуками и окунями. После ужина быстро наступили сумерки и темная ночь, плотно зажатая со всех сторон тишиной и безмолвием. На зеркальной глади озера замерцали отраженные ею далекие звезды. Те, кому довелось провести в тайге тихую августовскую ночь у костра, спать в шалаше из еловых ветвей под таинственный треск горящих углей у нодьи, дышать хрустальным чистым воздухом, пропитанным запахом хвои, тот едва ли не станет вечным пленником этого нерукотворного рая.

После ужина, удобно расположившись под навесом еловых веток, мы наслаждались блаженными минутами нашего отдыха. Ночная благостная тишина заполняла душу едва уловимым осознанием своей сопричастности с этим бесконечным величием мировоздания и радостным ощущением сопричастности к нему собственного бытия. То чувство тревоги, которое вселилось во мне с первых минут посещения святилища, несколько улеглось. Но ощущение присутствия неведомой таинственной силы не исчезало. Я долго колебался, однако любопытство взяло верх и я спросил у Валерия Николаевича: не

испытывает ли он таких же чувств, как я. Немного подумав, Валерий Николаевич уклончиво ответил:

- Да. Все мы люди.

Так я и не получил конкретного ответа на свой вопрос. Так и до сих пор не знаю, был ли этот виднейший ученый верующим или атеистом.

Сон сжимал веки, убаюкивая философствующую душу. Покой и тишина, разлитые в едва уловимых чарующих запахах болотного бегуна-багульника, этого сибирского розмарина, мягкоплыли куда-то в этой ночной благодати казымской тайги.

Утро следующего дня было роскошным. Сюда, в далекую зауральскую глушь, пришло короткое, но яркое, ослепительное по своим краскам, нежно-печальное бабье лето.

После завтрака мы начали зарисовывать в свои альбомы всю поляну "таежного храма", его приклады и стоящий в стороне сумьях (деревянную амбарушку на четырех сваях) - главный "алтарь" святилища Чохрын-Ойки. (Позднее по этому рисунку мною была написана картина, которая теперь является собственностью Березовского краеведческого музея).

Рисовал Валерий Николаевич превосходно. Его рисунки были весьма удачны и по композиции, и по технике исполнения, одним словом - профессиональны. Однако рисунки Валерия Николаевича имели не только чисто художественные достоинства - они, как и его книги, раскрывали дух, быт и культуру народов, которые Чернецов изучал на Обском Севере более тридцати лет.

Известный тюменский писатель А.К.Омельчук был первым, кто обратил внимание на оригинальную личность Чернецова как ученого, человека и художника. В книге "Рыцари Севера" он раскрыл не только гражданский подвиг ученого, но и показал его как художника, отметив, в частности, что отец Валерия Николаевича был "крупным архитектором и по наследству передал сыну явные художественные способности". В 1935 году В.Н.Чернецов свой сборник фольклора "Вогульские сказки" оформил своими рисунками по мотивам вогульского орнамента и графики.

Валерий Николаевич был не только замечательным художником, он был еще и талантливым искусствоведом. Те, кто познакомятся с его исследованиями по изобразительному искусству обских угров, тот, надо полагать, останется при таком же мнении. В частности, эту черту у Валерия Николаевича отмечал известный искусствовед С.В.Иванов.

К полудню, сделав по несколько сюжетных композиций, Валерий Николаевич выбрал два ножа из большой груды сваленных к стволу лиственницы, аккуратно завернул их в тряпицу и положил в рюкзак с целью передать их потом в фонды столичных музеев.

Из рассказов Ивана Васильевича Яркина я знал тему кандидатской диссертации Чернецова под названием "Древняя история Нижнего Приобья" (М., 1942 г.). Мне очень хотелось знать мнение ученого о художественной культуре народов Севера, какой она была в глубокой древности. Воспользовавшись временем послеобеденного отдыха, я попросил об этом рассказать Валерия Николаевича, извинившись предварительно за столь необычное дилетантское любопытство.

- Напротив, - сказал он, - все мы обязаны, может быть в разной степени, в разных областях знаний, знать историю народов, тем более тех, среди которых мы живем. Вам, сельскому учителю, тем более это крайне необходимо. Все те предметы, которые мне довелось извлечь в археологических поисках в Нижнем Приобье, несомненно имеют большую не только историческую, но и эстетическую ценность. Будь то весло, лодка, одежда или посуда, сделанная, как обычно, из дерева, или остатки древнейших музыкальных инструментов, украшенных национальными орнаментами, они служат чисто духовно-эстетическим, а не утилитарным потребностям. Производство, потребление, хранение и передача этих ценностей, по-моему глубокому убеждению, есть то, что мы называем художественной культурой.

- Конечно, - продолжал Чернецов, - в глубокой древности у ханты, манси, селькупов и других северных народностей искусство не было какой-то отдельной сферой деятельности. Все оно исходило из потребностей самой жизни, подчиненной трудовой деятельности. Но нельзя отрицать, что искусство удовлетворяло потребности магических

ритуалов и, наверное, оно было слито с потребностями магии, мифологии, обычаев и обрядов.

На этот счет существует несколько мнений. Но тут важно одно, чтобы идеология не унижала науку. Факты и реальность показывают, что древнейшее искусство народностей Севера непосредственно входило в материальную жизнь людей. Но оно в равной степени отражало и их духовную сторону. Охотники, рыбаки, оленеводы еще в глубокой древности черпали свои творческие идеалы из реальной жизни, из своих представлений о мире. Эстетическое освоение бытия на том этапе жизни отражалось в искусстве.

Валерий Николаевич, раскуривая свою трубку, еще долго рассказывал о древнейшем искусстве народов ханты, манси и ненцев. Детали этого рассказа время, безусловно, растворило в памяти, но основные выводы их я хорошо помню до сей поры. Чернецов высказал смелую мысль о том, что шаманы довольно умело, эффективно использовали искусство для утверждения веры в “могущество духов”. Они умели, по его мнению, показать с помощью пения, музыки, танцев свои связи и причастность к тайнам сверхъестественных сил. Это умение шаманов помогало формированию слитности и неразделенности искусства и религии.

Чернецов в то же время не отрицал, что в эпоху древности можно различить два пласта искусства: декоративно-прикладное, которое в равной степени обслуживало духовные и утилитарные нужды людей. Это орнаменты, украшения одежды, орудий производства, имевшие в основном корни в художественной фантазии людей. И религиозное искусство, которое хотя и путалось в незрелых языческих верованиях, но жило веками, питая эстетические чувства и художественное творчество северян.

Валерий Николаевич высказал свое мнение о том, что древнейшее искусство народов Обского Севера не следует строго разделять на религиозное и нерелигиозное. (Противоположную точку зрения высказывал С.В.Иванов). В нем более общего, чем различного. Оно отражало, прежде всего, отношение к природе, оно питалось “законами

красоты", рождалось в едином природном пространстве, которое питало и религию, и искусство в равной степени.

В своих рассуждениях о древнейшем искусстве народов Обского Севера В.Н.Чернецов утверждал, что все устное народное творчество, предания, сказки отражали практическую деятельность людей и были слиты с первобытным традиционным искусством. Более того, он делал вполне категорические выводы о том, что еще в далеком прошлом у бесписьменных народов ханты, манси, ненцев и селькупов все виды духовной деятельности были связаны с искусством. Именно этот фундамент был основным в создании у народов Обского Севера бесписьменной художественной культуры, которая дожила до нас, не испытывая на себе никаких тлетворных авангардистских и абстрактных течений.

Особое мнение было у В.Н.Чернецова и в отношении к фольклору. Он полагал, что мифология народов ханты и манси выражала свои идеи не только через устные формы творчества. Она была присуща всем элементам художественной культуры и через нее выражала себя как система мировоззренческих, "теоретических" и практических проявлений. Мифология заполняла обряд, танцы, музыку, драму, камлания и весь шаманский культ.

Такую оценку шаманского культа, как основополагающего фактора художественной культуры, мне довелось слышать впервые от В.Н.Чернецова.

- Но шаманизм, как и другая религия, является врагом искусства, -возразил я, как и следовало это сделать сельскому интеллигенту, воспитанному на большевистских лозунгах.

- Здесь другой случай. Надо учитывать, что не все факторы науки укладываются в политические рамки, - ответил Валерий Николаевич.

Он довольно откровенно высказывал свою точку зрения. Шаманизм он считал совокупностью религиозных и философских доктрин, которые регулировали устное народное творчество и первобытную мифологию. Шаманизм, связанный с религиозно-

мистическими обрядами, составлял основу религиозных верований всех обских угров и способствовал созданию художественной культуры огромного приполярного региона.

- Удивительно было то, - отметил Валерий Николаевич, - что мне удалось обнаружить находки, которые позволяют говорить о наличии на всей территории Нижнего Приобья эпохи позднего неолита и ранней бронзы, следы какой-то весьма глубокой культурно-этнической общности.

На основе этого Чернецов высказал мысль о том, что в условиях архаичности производства народов, проживающих в низовьях Оби, шаманизм и мифология выполняли главную роль в поддержании племенной культуры, непрерывности ее традиций, в формировании национальной художественной культуры, несмотря на некоторую изолированность этнических общностей друг от друга.

- Если вы желаете подробно изучить творчество народов Севера, я могу порекомендовать вам почитать А.Канисто, Н.Гондатти, Н.Корикова, С.Руденко, - сказал Валерий Николаевич, укладывая вещи в рюкзак.

Затушив последние угли в костре перед отправкой в путь, Валерий Николаевич оглядел все святилище и как бы шутя, но приветливо попрощался с его духами:

- До свиданья, Чохрын-Ойка. До новых встреч.

Мы еще раз внимательно осмотрели святилище и двинулись вдоль озера по тропинке к Мозьямам. На полпути до деревни мы сделали короткий привал, удобно рассевшись на валежнике. Погода стояла на редкость хорошая. Это был самый лучший период года в тайге. Не напрасно он заслужил везде одинаково ласковые и справедливые эпитеты, как "золотая осень", "бабье лето". Тайга была в буйстве тех красок, которые вобрали в себя всю палитру: от золота пожелтевшей листвы берез и лиственниц до багряно-красного пламени осин и рубиновых гроздьев поспевшей рябины.

Воспользовавшись минутой отдыха, я спросил у Валерия Николаевича о духе Чохрын-Ойки, впервые мною услышанном в

прошлом году в юртах Низямы на Оби от Тараса Костина, который приезжал к Николаю Ивановичу Терешкину писать какую-то важную бумагу. Святилище Чохрын-Ойки он "охранял" в окрестностях Вежакорских юрт. Летом того года я был назначен заведующим Низямской школы-интерната. Устроился я на квартире Ангашупова Андрея Александровича, заведующего сельским клубом. В то лето к Ангашупову приехал его знакомый Николай Иванович Терешкин, который работал в Институте языкознания и собирал материал для разработки фонетики и морфологии сургутско-ваховского диалекта хантыйского языка. (В 1961 году вышли его "Очерки диалектов хантыйского языка").

Николай Иванович Терешкин был очень добрым человеком, удивительно мягким и мудрым. С его благообразного лица с очень живыми глазами, с его чуть припухших губ почти никогда не исчезала приветливая улыбка. (Его портрет, написанный мною, хранится в Березовском краеведческом музее).

Когда Костин изложил суть своего заявления и Николай Иванович начал писать прошение в Верховный Совет, он неожиданно повернулся к нам, похлопал ладонью по своей рано начавшей терять волосы голове и спросил:

- Как звать Жданова... - но тут же вспомнил сам имя и отчество высокого начальника. Николай Иванович написал нужную бумагу и пообещал Тарасу Григорьевичу увезти это заявление в Москву и там переправить его по почте в Кремль. В этом заявлении, насколько мне помнится, Костин просил в окрестностях деревень Вежакор и Мулигорта организовать заповедник.

Именно здесь я впервые услышал от Т.Г.Костина о святилище Чохрын-Ойки, негласным хранителем которого был Тарас Григорьевич. Это святилище находилось на правом берегу Оби, в вершине речки, которая уходила в глубь леса, петляя между высоких увалов, поросших ельником и кедром. Это святое место было очень почитаемым не только у жителей окрестных юрт, но и ханты Казыма, Назыма и сосвинских манси.

- Чохрын-Ойка, - ответил Валерий Николаевич, - это лесной дух, что-то, видимо, сходное с греческим богом Гефестом, покровителем кузнецов и железа. Такое же святилище есть в Вежакорах. Ханты Костин водил меня на это святилище. Видимо, Чохрын-Ойка был очень почитаемым у народов ханты и манси, и они во многих местах делали ему приклады и приносили жертвы, объявляя такие места святыми и заповедными. Чохрын-Ойка, как и Вуг-Ими - Великая Казымская женщина, были великими духами у народов Нижнего Приобья, и к ним они относились с очень большим уважением.

Валерий Николаевич встал, накинул на плечи рюкзак и ружье, с какой-то особой нежностью посмотрел вокруг. Как будто прощаясь с этим уголком казымской тайги, глубоко вздохнул и, подводя итоги своего рассказа, произнес фразу, которую и теперь, по истечении почти полувека, я хорошо помню:

- Искусство бесписьменных народов - это его история.

Это была последняя моя встреча с человеком, так глубоко изучившим и знавшим творчество лесных народов. Это были последние слова большого ученого, так много принесшего в русскую этнографию.

Спустя почти десять лет после этой встречи с В.Н.Чернецовым, уже будучи студентом-заочником Ленинградского института живописи, где я учился на искусствоведческом отделении, на гранитных ступеньках набережной Невы в ненастный октябрьский вечер я и мои однокурсники клялись посвятить себя пропаганде реалистического искусства. Мне вспомнились тогда слова Валерия Николаевича, что искусство у бесписьменных народов - это его история.

ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Красавец теплоход “Композитор Алябьев” совершал свой очередной рейс Омск-Салехард-Омск. Как-то вечером по радио диктор объявил о том, что в кают-компании профессор Омского педагогического института Михаил Ефимович Бударин прочтет лекцию о культуре и искусстве народов Обского Севера. На теплоходе совершали свой круиз туристы-иностранцы. Народу собралось достаточно много.

- Искусство бесписьменных народов - это неписаная история народа, - совершенно непринужденно, сидя у закрытого пианино, начал свою лекцию профессор.

В моей памяти сомкнулись в единую цепь последние слова, которые я слышал несколько лет тому назад от В.Н.Чернецова и первые слова профессора Бударина.

Михаил Ефимович - человек невысокого роста, плотного телосложения, довольно приятной наружности, с ярко обозначенными чертами русского интеллигента. До перехода в Омский педагогический институт он более десяти лет работал собственным корреспондентом газеты “Известия” по Тюменской и Омской областям. Жил в Тюмени в самом роскошном доме по улице Республики. По долгу службы он

часто был в разъездах и хорошо знал Зауралье (сам будучи уроженцем города Ишима), в целом Обской Север. У него были тысячи знакомых, в том числе многие ненцы, ханты и манси, он обладал способностью очень быстро находить контакты с ними.

Михаил Ефимович не только крупный ученый историк-сибировед, он драматург и писатель. Его историческая драма "Ермак" более ста раз шла на сценах театров Омска, Тюмени, Кургана, Вологды и т.д. К образу Ермака Тимофеевича у Михаила Ефимовича особое отношение. В личном архиве у него собран богатый фактами документальный и исторический материал о Ермаке, у него дома на стене висит большой горельеф, который был ему подарен кинематографистами. Михаил Ефимович, обладая красивым баритоном, под собственный аккомпанемент его любимой четырехструнной домбры в кругу друзей для зачина веселого застолья начинал с песни о Ермаке.

В своих многочисленных научных работах и литературных произведениях Михаил Ефимович большое место уделяет анализу художественной культуры народов ханты и манси. В его работах глубоко проанализирована история развития литературы и искусства народов Севера, привлечены факты собственных наблюдений, документы центральных и местных архивов. В последнем я убедился, собирая материалы о художественной культуре народов Югры. Да и многие его аспиранты стали видными учеными Западной Сибири.

- Несмотря на беспросветную нужду и вечный гнет местных чиновников, - рассказывает Михаил Ефимович, - фольклор и изобразительное искусство - большое богатство северных народностей. Их устное творчество было представлено былинами, песнями, сказками, которые теперь питают молодую национальную литературу. Бесписьменные народы Севера пользовались так называемым изобразительным письмом: символическими знаками. Искусство занимало большое место в их духовной жизни, оно имело не только познавательную, но и большую эстетическую ценность.

Удивительное совпадение в моей жизни: на теплоходе "Композитор Алябьев" я познакомился с М.Е.Будариним и доктором исторических

наук, этнографом В.И.Васильевым, который каждый год выезжал на Север для сбора материалов о самодийских народах. На этом теплоходе я встретился с замечательным человеком и выдающимся финно-угроведом, академиком С.А.Арутюновым. На этом же теплоходе состоялось мое знакомство с профессором, лауреатом Государственной премии И.М.Разгоном, теплые и дружеские отношения с которым не прерывались вплоть до дня его смерти. Последние годы своей жизни Израиль Мендлевич, "влюбившись" в Обской Север, каждое лето откупал каюту на теплоходе и проводил свой отпуск на просторах Оби.

Навсегда осталась в моей памяти встреча с Сергеем Александровичем Арутюновым. Несмотря на огромные заслуги в науке, его международный авторитет виднейшего ученого, это был удивительно мягкий и симпатичный человек, очень скромный в быту и очень внимательный собеседник. Вся наша беседа с Сергеем Александровичем и Владимиром Ивановичем (они работали в институте этнографии) касалась феномена сибирского шаманизма. Из русских ученых, которые занимались этим вопросом, Сергей Александрович выделил В.М.Кулемзина и Н.В.Лукину, ученых из Томска. С Надеждой Васильевной меня познакомил академик Томилов Николай Аркадьевич в Тобольском государственном архиве. К сожалению, это была и последняя наша встреча с Лукиной, так много сделавшей для этнографической науки Западной Сибири.

Из современных зарубежных ученых Сергей Александрович назвал А.И.Сиикалу, исследовательницу, создавшую уникальную монографию "Ритуальная техника сибирских шаманов" (Хельсинки, 1978 г.). Академик Томилов Н.А. на научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского музея-заповедника, познакомил меня с очень красивой женщиной Зоей Петровной Соколовой, теперь уже ученой с мировым именем, ученицей В.Н.Чернецова, которая всю свою жизнь занималась проблемами религиозных верований народов Югры. Она автор многочисленных научных трудов, в том числе "Страны Югории" (М., 1976).

- Сергей Александрович недавно побывал в Японии, - сказал Владимир Иванович, - и он может привести любопытные аналоги в верованиях и культуре японцев и северных народов.

Каково было мое удивление, когда Арутюнов стал сравнивать синтоизм (традиционная религия японцев) с религией народов манси и ханты. Во-первых, японцы, как и народы Югры, не употребляют термин "религия" по отношению к своим верованиям. Во-вторых, японцы, как и наши северяне, свои верования воспринимают как традиции, обычаи, как сущность национальной и художественной культуры.

- Именно поэтому, - рассказывал Сергей Александрович, - свою религию японцы не выделяют в качестве особого объекта вероисповедания. Современный быт японцев, так же, как это было в прошлом и у югорских народов, пронизан обрядностью, которая сопровождала человека всю его жизнь.

По мнению академика Арутюнова, синтоизм - это не просто дань традиции, а религия, и религия не мертвая, а живая.

- Какое поразительное сходство синтоизма и сибирского шаманизма, - удивился Владимир Иванович. - Ведь ханты, манси, селькупы в своей культовой практике тоже пользуются, если их можно так назвать, "храмами", то есть святилищами, капищами на открытой природе или имели моленные дома, в которых, как и в японских храмах, почти нет ничего. Может быть, на самом деле, религию синто-и шаманизма следует рассматривать как обычную часть традиционной культуры?

- Нет, - возразил Сергей Александрович. - Само слово "синтоизм" означает "путь богов". Именно синтоизм еще в XIII веке отделил местные культы от себя, а также от буддизма и конфуцианства и стал самостоятельным. Но вот сходство с сибирским шаманизмом и японским синтоизмом, наверное, в какой-то степени признать можно.

В подтверждение этого Сергей Александрович привел такие доводы. Японские боги - это духи, которые одухотворяют и населяют всю природу: деревья, камни, землю, небо, луну, солнце и т.д. Души

умерших людей, чем-то прославившихся и почитаемых, могут стать духами. Есть у японцев и у народов Югры особо популярные, главные боги: у ханты и манси - Нуми-Торум, Мых-Ими, Калтась-эква, у японцев - бог риса Инари и бог Хатиман. Но главное совпадение состоит в том, что многие ранние формы религии, такие, как анимизм (вера в то, что весь мир населен богами и духами), магия, культ предков, которые уходят в глубокую древность, - эти народы свято сохранили и донесли до наших дней.

Сергей Александрович, коснувшись проблем художественной культуры японцев, указал на большое сходство ее с искусством народов Югры. Как и у японцев, у манси, ханты и ненцев в каждом отдельном регионе, при наличии общенациональных мифов, существует своя мифология, связанная с определенным божеством, духами данной местности.

- Во всех этих мифах, - подчеркнул особо Сергей Александрович, - рассказывается о том, что из первозданного хаоса был сотворен мир Мыслящим Первосоздателем. Во-вторых, как и у народов Севера, так и у японцев, миф состоит из четырех элементов, близких друг к другу по художественному оформлению: очищения, жертвоприношения, "молитвы" и возлияния. Как и народы Югры, японцы так же у алтаря "кормят" духов, подают им монеты, так же у столика вешают бумажные подвески. А ханты и манси привязывали на сучьях деревьев на местах моленей и жертвоприношений цветные лоскутки, шелковые платки, ленты, меха, шкурки соболя, горностая и белки, которые в давние времена играли роль денежного эквивалента. "Молитву" на распев, под звуки бубна исполнял шаман, а у японцев - священник. Музыка, танцы, песни были художественно-творческим оформлением обращения к божеству, с целью привлечь их внимание к просьбам. Религиозный ритуал и искусство, сливаясь, таким образом обогащали не только сам религиозный ритуал, а становились национально-художественной традицией.

Таким образом, рассказывал Сергей Александрович, это был праздник памяти о предках, ощущением причастности к своей

родословной, к своей истории, сопричастности к искусству и творчеству, в конечном счете - к созданию своей национальной художественной культуры. Часто говорят о врожденном чувстве красоты у японцев, о том, что они смогли сделать красоту частью своей собственной жизни, быта и бытия. Это же мы наблюдаем и у народов Севера. У обоих этих народов господствует культ природы. Ханты, манси и ненцы обычно любят без показного восхищения ослепительной белизной первого снега, причудливыми переливами красок в сполохах северных сияний, как это показано у художников Натускина, Вылки и Панкова, любят гладью безмолвных озер, осенним убранством леса. Но ведь при этом важно заметить, что любование - это одновременно и религиозный ритуал, элемент эстетического воспитания, тесно переплетенные в сознании северян, питающие их духовную и художественную культуру.

- Но, пожалуй, только в Японии, - продолжал свой рассказ Сергей Александрович, - уважительное, божественное отношение к природе стало неотъемлемой главной чертой культуры народа. Как и у народов Севера, так и у японцев, культ природы имеет многовековую историю и связан с почитанием и обожествлением природы. Вся природа в представлении этих народов населена божествами и духами, а мир человека и духа не имеет четких границ разделения. Такие представления определили особое отношение к окружающему их миру, составили единство экологии души и природы. У этих народов изначально, от рождения внушается мысль о нерасторжимости связи и гармоническом единстве человека с природой. Они не стремятся "исправить" природу, наоборот, они живут ее законами, не желая их нарушать, не сомневаясь в разумности ее мыслящего начала, в прозрачности границ между жизнью и смертью, между человеком и природой.

...Двухпалубный теплоход, на борту которого шла эта беседа, словно затаив дыхание, бесшумно работая двигателями, не нарушал тишины. Левый берег Оби, раскинувшись величественной панорамой, таял в нежно-розовой дали, сливаясь с нежными красками летнего заката. Правый берег, вздыбленный обнаженными увалами и поросший

кедрачом и ельником, тесным кольцом стянул древнейшую столицу Коды. И над всем этим тихим пространством, гордым своим величием и красотой, господствовала тайна первоиздания.

- Взгляните, - прервал молчание Сергей Александрович, - это ли не чудный кусочек Швейцарии.

Гудок теплохода и звуки прощального марша "Славянки" завершили эту незабываемую для меня встречу с учеными, отдавшими все свои силы и знания изучению жизни, истории и культуры народов Обского Севера. Встречаясь позднее с В.И.Васильевым, мы часто вспоминали Сергея Александровича и его удивительный рассказ о японском синтоизме и художественной культуре, так много имеющих совпадений с культурой и верованиями народов Югры.

Михаил Ефимович Бударин в своих рассказах имел больше лирических отступлений в сравнении с Арутюновым. Своим красноречием он увлекал слушателей не только глубиной знаний, но и чувством юмора. Сергей Александрович был более сдержанным. Может быть, при этой встрече мне так показалось, но сдержанность Сергея Александровича имела на это свои причины: в том году он потерял многих своих родственников, живших на Кавказе. И эти воспоминания о столь близких ему людях невольно охлаждали его восточный темперамент.

Теплоход проплывал мимо живописного поселка на Оби - Малым Атлымом. Расположенный на высоком берегу, со всех сторон заросший вековым кедрачом, он поражал всех своей красотой. Михаил Ефимович показал мне на сельский клуб и рассказал о том, что это здание бывшей Преображенской церкви, построенной, как и все храмы на Обском Севере, по настоянию и под руководством митрополита Тобольского Филофея Лещинского. Михаил Ефимович с большим увлечением рассказывал о нем, как о великом просветителе Сибири. Позднее, когда я побывал в архиве Тобольской духовной Консистории, об этом удивительном человеке я написал статью "Великий просветитель Сибири" и картину "Крещение Югры". Картина хранится в фондах Ханты-Мансийского краеведческого музея.

Возвращаясь из отпуска (как условились с Михаилом Ефимовичем), я заехал к нему в Омск, чтобы получить полную консультацию по историографии художественной культуры народов Обского Севера. Когда мы прощались у старой его квартиры, он произнес фразу, глубинный смысл которой я смог оценить спустя многие годы, прочтя все то, что касалось истории художественной культуры ханты, манси и ненцев.

- Историография - это и есть наука. И если в искусстве произведение - мое, то твоё исследование в науке - это наше.

Те произведения, которые мне были рекомендованы М.Е.Будариним по изучению художественной культуры ханты и манси, раскрыли мне невероятно глубокие корни философии искусства и мудрость древнейших народов, во многом посрамляющих дилетантство проповедников современной эстетики.

Безусловно, прав был М.Е.Бударин, выступая на зональных, региональных и всероссийских научных конференциях, в том, что измерять художественную культуру народов Севера европейскими критериями не следует. Но то, что искусство, философия у северян настолько приближены к жизни, к духовной сущности человеческого бытия, что они ни в чем не уступают эстетике ученых Запада.

Отношения к опыту духовной культуры и искусства при поверхностном их изучении складываются двоякие, иногда прямо противоположные. Но при более детальном их рассмотрении можно обнаружить, что духовная культура, все искусство, вся его философия были порождены стремлением самостоятельно и обстоятельно ответить на вопрос: "Что есть истина?" При этом надо учесть: открывал ли ее заново таежный житель или искал ее? Дело не в этом. Важно другое: он всегда это делал, не вступая в противоречия с реальными законами действительности.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

(по литературным источникам)

В наши дни идет возврат к поискам объективной истины культурно-исторического развития России, освобожденной от безжизненных схем партийной идеологии. Это совсем не означает, что мы слепо должны преклоняться перед стариной и прошлым, но во многих вопросах ностальгия не болезнь, а “врачевание” в полном смысле исторического мышления. Это особенно четко проявляется в вопросах краеведения, способного более детально, более наглядно, более реально осознать и увидеть все недуги многострадальной России.

Краеведение изучает человеческое бытие, природно-географическую среду обитания отдельных народов, их художественную культуру в аспектах философии истории и социального развития. Оно способствует в прямом смысле познанию самого себя и своего места в человеческих взаимоотношениях, в системе отношений с окружающей природой, с экологией среды и экологией души.

Краеведение - это универсальная деятельность по накоплению банка социальной памяти; оно включает в себя сбор материалов по истории и этнографии края, по истории заселения и будущего развития, а

также изучение памятников культуры, искусства, религии, природной среды, формируя перспективы, исходя из опыта прошлого и настоящего.

Краеведение, изучая прошлое, его историческое, культурное и естественное состояние края, вплотную подводит к понятию общих закономерностей самой истории, ее философии, самосознания этнических общностей, пониманию путей развития человечества.

Возникновение сибирского краеведения, как совокупности знаний, следует отнести к началу XIX века. Однако было бы несправедливо не упомянуть представителей русской культуры А.Н.Радищева, А.И.Герцена, А.И.Огарева, Н.Г.Чернышевского, а также журналы "Современник", "Отечественные записки", которые заложили основы русского краеведения. Так, А.И.Герцен в своем заявлении "Земля - крестьянам" признавал за отдельными провинциями права на "всякую автономию, на вольное соединение, на полное слияние, на полное расторжение". Такая идея накладывала на сибирское краеведение определенное влияние. Что касается Сибири, А.И.Герцен писал: "Если Сибирь завтра отделится от России, мы первые приветствовали бы ее новую жизнь. Государственная целостность вовсе не совпадает с народным благосостоянием".

Обратившись к истории Сибири, А.И.Герцен оживил традиции, идущие от А.Н.Радищева, еще раз подчеркнул роль русского народа в освоении Сибири, воскресил мечты Ломоносова о том, что величие России прирастать Сибирью будет.

Сибирский писатель Н.В.Шелгунов писал, что "цвет сибирской мысли составляют те сибиряки, которые печатно и на словах заявляют везде свой местный патриотизм и представляют собой именно ту прогрессивную силу, ради которой совершается на месте хоть какое-нибудь движение вперед".

Основоположником краеведения Тюменского Севера был П.А.Словцов. Он первым подал голос из Тобольска в середине прошлого века о нуждах Сибири. Он первым встал во главе сибирской интеллигенции, которая под его непосредственным руководством составила "энциклопедию" сибирской жизни. Его обобщающие выводы стали основополагающими для деятельности сибирских областников.

П.А.Словцов родился в Тобольске, закончил там же духовную семинарию и после завершения образования в Петербурге и нескольких лет государственной (но неудачной) службы вернулся в Тобольск в звании учителя. В 1839 году, в возрасте 62 лет, он занялся изучением исторического прошлого Сибири, культуры народов ее населяющих.

Все академические исследования, проведенные в Сибири, начиная с Г.Ф.Миллера и его последователей XVIII века, как писал Словцов, “не имели досуга взглянуть на микроскопические подробности, и поэтому краеведение должно заняться этими подробностями”. Так было положено начало сибирскому краеведению, изучению жизни, быта, культуры, искусства народов Обского Севера в целом.

Другой виднейший ученый-тоболяк Н.Л.Скалозубов полагал, что “знание своей страны - есть сила, без которой народный труд не может развиваться и прогрессировать”. Он видел в развитии интереса к местной жизни “мерило культурности населения” и считал необходимым привлекать к краеведческой работе возможно большее количество местных деятелей. Особое внимание при этом Н.Л.Скалозубов уделял крестьянству. “Надо искать, - отмечал по этому поводу Николай Лукич, - светлые точки в деревне, людей, чем-либо интересующихся, и вовлекать их в общественную деятельность по изучению родины”, а местный исследователь-краевед должен “научиться пользоваться народной наблюдательностью и народной мудростью”.

Изучение местной жизни во всех ее проявлениях возможно было, как считал Николай Лукич, только на основе научных приемов. Спустя более ста лет, благодаря усилиям журналистов и писателей В.К.Белобородова, Н.И.Каняева, В.В.Киселева, зародился и печатается на древней югорской земле свой историко-культурный журнал “Югра”, который воплотил в себе мечты сибирской интеллигенции прошлого века.

Н.Л.Скалозубов в 1894 году был избран хранителем Тобольского губернского музея. Его деятельность была направлена (на основе изучения опыта народов Севера) на борьбу против методов колонизации национальных окраин. Новое в изучении народов ханты, манси

заклучалось в том, что оно шло по определенной программе и впервые ставило в задачу порайонное исследование быта “инородцев” и их духовной культуры, религии. Особое место уделял Н.Л.Скалозубов изучению устного народного творчества. Личное участие в этой работе превратили этнографический отдел Тобольского музея в крупнейший научный центр Сибири по изучению быта и искусства населения низовий Оби. Именно здесь ученые Г.А.Карьялайнер, У.Д.Сирелиус, Папай черпали свои наблюдения, делали свои выводы, ценность которых не утрачена по сей день.

С целью популяризации краеведческой работы при Тобольском губернском музее были организованы издание журнала “Сибирский сборник”, художественные выставки работ традиционного творчества народов Обского Севера. Демократическая общественность, интеллигенция, ученые Слозцов и Скалозубов на основе исторического краеведения, рассматривая внутренние процессы прошлого и настоящего, пытались высказать раздумья своего поколения о судьбах народов Сибири.

Главнейшие выводы, которые были сделаны основоположниками изучения Обского Севера, состояли в том, что “исторический опыт за Уралом мог быть выражением лишь двух принципов: правосудия и православия, носителями которого являлись государство и церковь”.

Изучая опыт прошлого и переход к промышленному капитализму и урбанизации, зная неизбежность этого процесса, демократическая общественность внутренне противилась ему, будучи убежденной в том, что этот процесс разрушит “старое время, уничтожит патриархальность привычных, исторически сложившихся для России укладов старины, разрушит культуру, традиции ее населения, а ...если погибнут деревни, то города зарастут бурьяном”.

Большую надежду на сохранение деревни в Сибири основоположники краеведения возлагали на сибирское казачество, у “... которого были неисчерпаемые силы духовной стойкости”. Такое убеждение исходило из того, что опыт вольной колонизации Сибири, корчевка лесов, устройство пашен, открытие частных мелких предприятий было “похвальным направлением к составлению частных

богатств", а воздвижение сел, деревень, церквей и храмов будет основой возрождения Сибири.

Основоположники Сибирского краеведения на основе изучения края пришли к выводу, что отношения между русскими и нерусскими народами Сибири доказывали историческую общность России. Но в то же время они были глубоко убеждены в необходимости строгого уважения веры и обычаев сибирских народов, их традиций, искусства и культуры. Великой целью России, ее исторической миссией они считали работу по христианскому просвещению народностей Сибири, которая должна стать решающей силой в прогрессе истории.

Виднейшим краеведом из школы Словцова был Н.А.Абрамов (1812-1870 гг.) - автор многочисленных очерков и статей по истории, этнографии народов северного края Тобольского Севера. С появлением его книги "Описание Березовского края" (Шадринск, 1993) сибирское краеведение пополнилось фундаментальным исследованием. Оно, как справедливо отметила тюменский историк-краевед Л.А.Беспалова, стало научным итогом с привлечением множества фактов, значительная часть которых ранее, до Абрамова, была неизвестна широкому миру. "Это, - писала она, - как бы небольшая энциклопедия северной части Тобольской губернии, дающая читателю множество познавательных сведений".

С позиций православной философии освещена история народов Обского Севера профессором Киевской духовной академии П.Н.Буцинским, который глубоко исследовал сибирские архивы и материалы Миллера.

Большой вклад в становление сибирского краеведения сделали декабристы Н.А.Бестужев, Г.С.Батеньков, В.И.Штейнгель, Д.И.Завалишин, а позднее П.И.Небольсин. Они положили начало новому периоду в изучении истории Сибири, который принято называть периодом "культурного влияния политической ссылки, укрепившей силы сибирской интеллигенции, вставшей на путь борьбы за самостоятельность России".

Особое место в формировании исторического краеведения по

вопросам духовной культуры принадлежит А.И.Сулоцкому (1812-1884 гг.) - сыну церковного служителя. Окончив Ярославскую духовную семинарию, он учился в Санкт-Петербургской духовной академии, где изучал богословие и философские науки. В 1837 году был определен в Тобольскую духовную семинарию, а затем преподавал закон Божий в Сибирском кадетском корпусе в г.Омске. Здесь он сблизился с ссыльным Ф.М.Достоевским. А в Тобольске Сулоцкий познакомился с П.А.Словцовым и Н.А.Абрамовым, с поэтом П.П.Ершовым и художником С.Я.Знаменским, с декабристами-краеоведами Н.А.Костровым и Г.А.Варлаковым. Его новые друзья видели в Сулоцком большого ученого и человека "значительного для России и в особенности для Сибири".

В Тобольске Сулоцкий трудился под руководством Н.А.Абрамова. Здесь формировалась его краеведческая работа, а позднее, уже в Омске, она имела уже планомерный характер. Сулоцкий проявил особый интерес к состоянию религиозности, просвещения, искусству народностей Севера.

Сибирский краевед А.П.Щапов родился в глухой деревушке Иркутской области. Но это не помешало ему в целом изучить быт, историю, культуру народов Сибири и создать земско-областную теорию, в которой наряду с вопросами народовластия он определил роль областей, как составных частей России, предполагая в этом все ее будущее.

Сибирские малые народности выступали в теории А.П.Щапова определенной силой в борьбе за человеческий прогресс. Именно с этой целью Щапов глубоко и всесторонне изучил родовую и сельскую общины, как естественный продукт народного творчества, корень вольно-народного самоуправления. Его выводы оказали решающее влияние на идеи сибирских областников. Щапов призывал историков-краеведов к поискам закономерностей, опыта прошлого, знания которых помогут процветанию Сибири.

Сибирское краеведение выдвинуло целый ряд проблем, связанных с колонизацией, с освоением новых земель в Сибири, историей первобытного состояния ее народов и их особенностей развития в

настоящем, а также методы приобщения их к современной цивилизации.

Благие попытки хотя бы как-то улучшить скудное проживание народов Югры, заложить новые импульсы для развития просвещения, поднятия духовных и художественных традиций предпринимались не часто. Более чем полтора века назад русское правительство опубликовало указ "Об управлении инородцами", автором которого был председатель Сибирского комитета М.М.Сперанский. Устав 1822 года регламентировал все стороны жизни коренного населения тайги и тундры: экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую. При этом предусматривалось ограничение опеки со стороны русской администрации, которой передавалась власть только для осуществления общего надзора.

По указу 1822 года родовое управление у народностей Севера составлялось из института старейшин и их помощников. Все дела решались словесно. Родовое управление руководило всеми хозяйственными делами, начиная с определения мер по росту численности скота и заканчивая выработкой условий и заключений договоров, мерами надзора "за спокойствие вверенных ему людей".

По оценке виднейшего исследователя Сибири С.В.Бахрушина этот Указ был как "памятник, не имеющий себе, может быть, равного в современном ему законодательстве Западной Европы и Америки, который бы с начала до конца был проникнут стремлением сохранить самобытный строй жизни туземцев".

Позднее, по законам 1896-1899 гг., по настоянию П.А.Столыпина, было рекомендовано сибирским губернаторам незамедлительно переводить всех аборигенов на оседлость, наделяя их землей. По этим законам промысловые, пастбищные и сенокосные угодья у ханты и манси оказались в собственности отдельных родов и семей. Различие между родовыми, наследственными и благоприобретенными землями состояло в том, что родовые угодья принадлежали одному или нескольким родам и продавать их было запрещено, а "благоприобретенным имуществом, -отмечалось в законе, - остяк владеет бесконтрольно..."

Тобольское губернское управление признало необходимым

причислить всех жителей Березовского и Сургутского уездов к категории оседлых. На основе упомянутых законов рекомендовалось: “образовать селения и волости из лиц одной национальности, а старост выбирать из лиц любой национальности по желанию членов общества”. Был разрешен “обыкновенный переход в русское сословие на основании общих законов”. Все дела и споры решала община.

Известный историк-сибиряк А.П.Щапов рассматривал такую общину, как основу “вольно-народного самоуправления, как первый круг мирского земского строения”. А демократ Н.М.Ядринцев по этому поводу писал: “Без развития местной жизни, без самостоятельности и без уразумения отношений частного к общему невозможно правильное развитие общества... Централизация - это дело прошлое, провинция - будущее”.

Община народов Югры представляла собой союз соборных личностей, в которой созревали узы духовного, брачно-семейного, национально-культурного единства, святость добродетели, священность общинной и частной собственности, как вечная категория нерушимости общей судьбы. Вот почему ханты и манси жили на своей земле, освящая ее постоянной молитвой, принося жертвы и поклоны добрым духам, отдавая им лесные урманы, озера, реки, запрещая такие места для посещения и промысла, слагая о них удивительные по своей красоте и сюжетности былины и предания, воспевая в импровизированных песнях духов-хранителей, показывая в празднествах и игрищах свое искусство. Для жителей тайги окружающая их природа была всегда “храмом” и величием нравственно-духовного восторга. Она связывала их с внешним миром, она рождала импульсы художественных традиций, она воспламеняла в людях любовь, она была источником их творчества, качеством и мерой красоты вещей.

Для жителей тайги и тундры природа была единственной “эколого-экономической академией”. С детских лет в общине учили детей правильному взаимодействию с природой, с лесом, водой и землей. На Обском Севере соседская община, возникшая еще в эпоху первобытности, была основой социального строя. Не случайно К.Маркс

азиатскую общину называл “первобытным коммунизмом”, имевшем больше человеческих ценностей, чем тот, который в России строили все семьдесят лет после Октября 1917 года.

В конце XIX века в туземных общинах постепенно начался переход к частной собственности, с сохранением коллективной собственности, при которых труд охотника, рыбака, оленевода был источником его жизни. Однако этот переход ни в коей мере не менял старых морально-нравственных традиций отношения к труду и к собственности, к производству и потреблению художественных ценностей, не затрагивая его коллективного начала. Материальные условия труда в туземной общине были прежними: предметами производства выступали продукты природы. Природа так и оставалась источником их творческого вдохновения, источником натурфилософии и религиозного мировосприятия. Она была постоянным их домом и родиной, источником труда и богатства. Наверно, в этом факте надо искать причины высокой нравственности малых народностей, у которых не было преступлений с целью наживы, не было зависти друг к другу, не было жадности, лжи и обмана.

Природа регулировала общественные нормы, которые исходили из интересов совместной жизни общины, труд родоплеменного коллектива. Община свято хранила правовые традиции, справедливо распределяла права своих членов, их полномочия, обязанности и нормы социальной справедливости в разделении средств производства и продуктов. Каждый получал столько, сколько он добывал, каждый жил так, как он трудился.

Характеризуя эти особенности, академик В.И.Бойко на гуманитарных чтениях, проходивших в ноябре 1985 года, посвященных памяти А.П.Окладникова, подчеркнул, что у северных народов “природа выступает, с одной стороны, как собственное бытие, а с другой - как объективное существование человека”. Эти нормы естественного права закреплялись традициями этноса, они в тесном единении с религиозными воззрениями питали у народов Югры его культуру и искусство.

В условиях недоразвитости производственных отношений община не знала никаких внутренних противоречий. В ней не было каких-либо средств принуждения, кроме подчинения традициям, которые определяли

трудовую дисциплину и бережное отношение к природе, как к источнику жизни. Каждый рыбак или охотник, при наличии общинной собственности, был наследственным владельцем особого, своего участка, выступал как коллективный собственник, осуществляя это право через долю своего труда. Уже в подростковом возрасте ханты или манси становился самостоятельным рыбаком или охотником, в значительной степени владея всей суммой трудового и духовного знания, знания художественных традиций своего народа.

Законы общины, ее традиции и художественный опыт были святы. Их исполняли не только члены общины. Что весьма характерно - законы и обычаи своих соседей уважали и хранили свято русские крестьяне.

Однако Сибирь в экономическом отношении подчинялась центру. В силу этого уже в середине прошлого века у демократически настроенной части русской интеллигенции возникают требования упразднения приниженного и подчиненного положения. Это движение известно как сибирское областничество. Что же касается инородческих племен, то "областники", которые требовали автономии Сибири, добивались для них культурного и национального самоопределения. "Это право, - писал идейный руководитель сибирских областников Г.Н.Потанин, - за нерусским населением надо признать. Во-первых, в узких интересах самих этих племен, для них необходимо общественное возрождение. Во-вторых, умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, должна внести что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа..."

СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО

Первым общественным движением в России, которое выступило против колониальной политики русского чиновничества за Уралом, было сибирское областничество. Вождями и организаторами его были Н.М.Ядринцев и Г.Н.Потанин. Корни идейной подготовки областничества восходят к 60-м годам XIX века. У его истоков стояли тоболяки П.А.Словцов и П.П.Ершов. Большое влияние на мировоззрение областников оказали идеи сибирского историка А.П.Щапова. Кстати, его идея о народном свойстве зарождения родовой общины из социальных институтов, а не из политики и экономических принципов, явились составной частью концепции сибирского областничества.

Но главную роль в формировании идей областничества сыграли Н.М.Ядринцев и Г.Н.Потанин. Именно ими был предложен ряд мер, направленных на подъем национального самосознания нерусских народов Сибири, на коренное улучшение состояния “инородцев”, спасение их от вымирания и эксплуатации местными властями.

Сибирские областники считали необходимым создание в составе России федеративной автономии Сибири. Наиболее революционным документом их было воззвание “Патриотам Сибири”.

Вожди сибирского областничества поставили перед русской общественностью “инородческий вопрос” в его экономическом,

политическом, национально-культурном и научно-историческом аспектах. Они доказывали способность малочисленных народностей Севера к восприятию достижений цивилизации и приобщению их к ценностям культуры и искусства. Они полагали, что если не в близком, то в определенном будущем Сибирь будет уравнена с другими областями России при обязательном сохранении национальных культур, самобытных художественных традиций и искусства. “Всякая область, - писал Потанин, - как бы скромна ни была в размерах, в пределах культуры, искусства и умственной жизни имеет право на самостоятельное, независимое от остальных частей государства развитие своих сил... Это будут оригинальные продукты сибирского ума, воспитанного картинами тундры и тайги”.

Ядринцев и Потанин с целью пропаганды своих идей организовали выход патриотических газет “Сибирь”, “Восточное обозрение”, “Сибирская газета”, в которых остро ставили вопросы о приниженном и подчиненном положении Сибири, выступали против колониальной политики по отношению к нерусским народам Сибири. Самая главная нужда Сибири, о которой так много говорили областники, заключалась в установлении правильных взаимоотношений между метрополией и национальными окраинами.

Ядринцев открыто осуждал попытки захвата государством земель у “инородцев”. Хотя у них и не было частной собственности на землю, но они считали, что пространства, ими населенные, являются их владениями, которые веками были закреплены за ними на принципах обычного права. С включением Сибири в общероссийский рынок начался захват земель, который, по выражению Потанина, принимал головокружительные размеры, не имеющие никаких сдерживающих преград.

Областники призывали русскую общественность к отказу от такой государственной политики, которая “прикрывалась” теориями неизбежного вымирания сибирских народов при соприкосновении с цивилизацией. Областники доказывали, что сама культура - это не образование, не цивилизация. Это сумма традиций, исполняемых не

по обязанности и принуждению, а сама жизнь, творчество народов, вытекающие из естественных, высоких нравственных и моральных норм.

Н.М.Ядринцев был твердо убежден, что включение “инородцев” в культурную, художественно-творческую жизнь будет определенным вкладом в общечеловеческую культуру и мировую цивилизацию. По этому поводу он писал: “Мы должны стремиться не к отчуждению от инородцев, а к сближению с ними, культурное повышение их для нас будет гораздо выгоднее, чем предоставление им полной замкнутости”.

Н.М.Ядринцев в числе первых выступил с разоблачением хищнического потребления богатств Сибири, вскрывая антагонизм центра и провинции. “Рассматривая причины ненормальных экономических явлений на Востоке, - писал он, - мы приходим к заключению, что они лежат в историческом прошлом края и в особых условиях, созданных его исключительностью, господством произвола, отсутствием законности”. Разрешение этой проблемы Ядринцев видел в постоянном и бдительном контроле общества и народа.

Г.Н.Потанин в своих статьях призывал русскую общественность к обновлению Сибири без всякого насилия, с помощью реформ. Он защищал идею духовного родства сибирских “инородцев” с другими народами, живое доказательство которого он извлек из этнографических исследований. Он обнаружил взаимовлияние и взаимопроникновение элементов русской культуры и культуры народов Севера и Сибири. Его научные воззрения в историко-социологическом аспекте основывались на территориально-экономическом принципе, земско-областной и естественно-научной теории в развитии человеческого общества, его культуры и искусства.

СИБИРЬ И ДУХОВНЫЙ РЕНЕССАНС РОССИИ

Главная задача духовного Ренессанса в России состояла в том, чтобы сделать церковь, православную веру и искусство инструментом борьбы против царизма, дать русскому народу, как писал А.Н.Пыпин, "политическое раскрепощение, экономическое возрождение, культурный ренессанс и религиозную реформу". И философ Н.А.Бердяев в те годы писал, что Ренессанс должен помочь религии стать христианской, нужно соединить божественное с человеческим, сделать православие истинно христианским.

Используя весь мировой опыт духовного прогресса, в конце прошлого века Россия оказалась одной из самых сильных стран мира не императорской властью и не экономическим процветанием, а в достижении мировой духовной культуры.

Великому духовному Ренессансу в России предшествовала борьба двух общественных движений, возникших в 30-40-е годы прошлого столетия: славянофилов и западников, поднявших русскую философию на уровень "...умственного переворота, вследствие чего русская мысль получила самобытность и народность". Самым ярким представителем в начале этого возрождения выступил философ П.Я.Чаадаев, идеи которого поддерживали Пушкин и Герцен. Эпоху, в которой жили эти великие русские люди, Блок назвал высшим достижением русской культуры. Этот вывод оказался до сих пор бесспорным.

Западники утверждали, что Россия прежде всего должна использовать философский опыт Запада социально-культурных преобразований. Славянофилы отстаивали самобытность исторического развития России, отрицая весь опыт Запада. К ним относились А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, К.С.Аксаков, Ф.И.Тютчев и др. Борьба двух направлений явилась теоретической базой, на которой возникла философия Ренессанса, как высшее достижение мировой культуры.

В середине прошлого столетия, в результате реформ Столыпина, ускорились темпы и интенсивность духовной жизни русского общества. Наука и литература, искусство и нравственные представления подвергались очистительному влиянию новых идей. Активно вовлекалось в этот процесс все русское общество, внося демократические взгляды и на межнациональные отношения народов России. Огромные успехи в развитии экономики, в науке, в народном образовании, в открытии новых университетов и научных центров, усиление воздействий православной церкви в морально-нравственном воспитании россиян оказали мощное преобразующее влияние на всю общественную и духовную жизнь России.

История, как наука, становилась важнейшим средством объективного анализа общества. Она помогала правильно прогнозировать судьбы России, выявляла глубокое понимание внутреннего единства прошлого, настоящего и будущего. Н.Г.Чернышевский писал, что "... как ни высок интерес, возбуждаемый астрономией, как ни привлекательны естественные науки, важнейшей коренной наукой остается и останется навсегда наука о человеке".

Русская религиозно-философская мысль того времени, опираясь на эту самую высокую науку о человеке, раскрыла картину народной жизни прошлых веков, показала правильное понимание явлений современности, цементировала душу русской нации в ее самых высоких духовных качествах. Надисторические источники убедительно доказывали, что между естественной и человеческой историей, а следовательно, и между естествознанием и нравственными науками о

человеке нет принципиального различия. "Природа и история представляют живой организм, - писал Герцен, - наука одна: двух нет, как нет двух Вселенных".

Народности Севера на протяжении многих веков были подвержены влиянию природы не только физически, но и нравственно. Они черпали свои идеи не из книг, источником искусства были не музеи, а естество природы, которая была для них школой философского здравомыслия, практикой быта и образом жизни, связанных с тайгой и тундрой. Истоки религиозной философии, религиозного искусства формировались у северных народов из тех же отношений человека к окружающей его природе, из единства бытия и сознания, о чем когда-то говорил Аристотель: "Бог и природа ничего не делают напрасно".

Только этими глубинными связями человека с природой, верой в единство с ней еще в глубокой древности народы Севера, не имевшие никакого представления о философии древних Афин, самостоятельно сформировали схему мироздания, ощутили на себе силу мирового разума, создали свою художественную культуру, уверовали в бессмертие души, подчинив этой вере свою земную жизнь, мораль и искусство.

Вся русская философия того времени, обобщенная в работах почитаемых во всем мире ученых - П.А.Флоренского, В.С.Соловьева, Н.Ф.Федорова, С.Н.Булгакова, С.Н.Трубецкого, сумела объединить все либеральные, демократические направления религиозной философии. Она включила в себя идеи Платона и Шопенгауэра, Ницше и Гегеля, Толстого и Достоевского, она впитала в себя достижения философской мысли ученых Англии и Франции, Запада и Востока. Именно поэтому российский духовный Ренессанс стал не только новой русской философской школой, а выразителем духовного состояния русского народа, его самосознания, главным критерием оценки прошлого и будущего всей человеческой истории.

В эпоху русского духовного Ренессанса было создано столько литературы по человековедению, сколько не было создано до этого ни одним общественным течением в мире. Именно в эпоху русского Ренессанса начались глубинные исследования сибирского шаманизма,

как религии вообще, как мировоззрение народов Сибири, его роли и связи с художественной культурой. Шаманизм рассматривался как культурно-художественное, духовное производство северян, как фундамент религиозной философии и духовной культуры бесписьменных народов Севера. "Религия, - писал В.С.Соловьев, - говоря вообще и отвлеченно, есть связь человека с миром, безусловным началом и средоточием всего существующего".

Именно шаманизм, как начальная форма религии, определяла все содержание человеческой жизни. Он был тем духовным единством, которое объединяло все: быт, культуру и искусство, он был единственной дорогой человека к Храму.

Современные ученые из Новосибирска И.Н.Гемуев и А.М.Сагалаев, изучавшие мировоззрение народов Обского Севера, справедливо подчеркивали, что "обские угры не просто мыслили живым весь мир, но и не противопоставляли себя миру, в эпоху древности и средневековья они еще не делили мир на "живое" и "неживое", не было еще границ между растениями, зверями и человеком - мысль всегда искала и находила между ними сходство - отсюда идея о глобальном родстве всего живого". Особенно ярко это отражено было в художественной культуре этих народов, именно этим пронизано все искусство народов Югры.

Это философское кредо народностей Севера в течение веков (подкрепленное в проповедях миссионеров эпохи русского Ренессанса) оставалось неизменным вплоть до 1917 года.

Русский духовный Ренессанс на территории Обского Севера проявился в глобальном шествии миссионерства русской православной церкви. В конце прошлого века в Тобольской епархии был создан специальный комитет православного миссионерства, который был призван глубоко внедрять идеи Ренессанса во всех национальных районах Севера, у народностей манси, ханты, селькупов и ненцев. С этой целью при всех православных храмах в Нижнем Приобье были созданы специальные походные церкви. При таинстве священных обрядов в таежных поселках, паулах, чумах и юртах литургия

проводилась с возможной торжественностью. "Миссионеры, - отмечалось в отчете Тобольского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1896 год, - стремились держаться порядка до тонкостей, до мелочей ...вплоть до демонстрации живописных полотен, привезенных специально из храмов".

При совершении самого таинства церковного служения переводчики переводили молитвы, проповеди, обряды на языки северных народностей. Работа миссионеров не прекращалась ни зимой, ни летом, была постоянной и целенаправленной.

В Кондинской волости в то время было 5 церквей. Довольно активно велась миссионерская служба при Кондинской Троицкой женской обители. При ней была открыта специальная школа для иноверческих детей. В Троицком монастыре в 1849 году обучалось 18 детей-туземцев, в 1851 - туземцев - 12, русских - 9. В этой школе учились дети только из бедных семей.

"Кондинская школа, - писал А.Г.Базанов, - должна была готовить помощников - миссионеров, толмачей, причетчиков, а ее выпускники могли попасть в школу Знаменской церкви в Тобольске, которая, как школа второй ступени, готовила псаломщиков для туземных приходов и учителей школ грамоты".

Школу при Кондинском монастыре в конце XIX века возглавляла опытная преподавательница, полурусская, полуинородка, молодая еще монахиня Нина Ивановна Лепехина. По свидетельству документов, дети инородцев мало отставали от русских учащихся. Главным препятствием для них было слабое знание русского языка. В окрестных деревнях были организованы передвижные, походные школы. Так, в 1893 году Нина Лепехина открыла передвижную школу в Низямах*.

Известный исследователь Обского Севера А.И.Якобий, профессор Казанского университета, писал, что он "...очень ценит этот пример с точки зрения принципа". Это рвение к просветительству по достоинству было отмечено всей женской обителью и настоятельницей Манефой.

* - автором была написана картина "Приезд Нины Лепехиной в Низямы", она хранится в фондах Октябрьского краеведческого музея.

В 1894 году Нина Лепехина была отозвана в школу Кондинского монастыря. Однако в последующие годы монашка-учительница каждое лето выезжала в ближайšie хантыйские деревушки, чтобы там обучать детей русскому языку, готовя их для поступления в монастырскую школу. О своем подвиге она говорила просто: “Я переносила тучи комаров, грязь и бедность дикаря, зная, что меня дети любят и охотно учатся, и что со временем будут опрятными и образованными... Ради этого можно снести все”.

Писатель К.Д.Носилов, будучи в монастыре проездом, познакомился с учительницей Ниной. Удивленный ее подвигом, написал: “Когда я вышел во двор монастыря и оставил стены этой маленькой северной общины, в которую пришла сюда трудиться для просвещения маленького дикаря эта женщина, то на душе было такое чувство, что я готов был пожать первому встречному руку, поздравляя его с зарей новой, лучшей жизни”.

В эпоху Российского Ренессанса начался бурный рост школ разного типа. В Березовском крае с 1843 года по 1897 год было открыто 9 инородческих школ, в которых обучалось (в 1850 г.) 71 человек. В 1896 году была открыта школа в Нахрачах на Конде, в Сартынье, Щекурье и т.д. В самом Березово в 1900 году была построена двухэтажная кирпичная школа и церковь при ней. Впервые по вопросу об обучении инородцев-девочек обратился в печать руководитель Обдорского православного миссионерского общества Ироним Иринарх.

Православные миссионеры создавали “маленькие”, “походные” школы, видя в них больше преимуществ, чем церковно-приходские, потому что они работали в местах жительства детей, не отрывая их от родителей, от их повседневного обычного труда и быта. Такие школы не требовали больших расходов и были наиболее удобными для просвещения.

Однако и эти “школы” востребовали немедленного написания учебников на родных языках. Первую такую попытку сделала Нина Лепехина. Из имевшихся в Кондинской монастырской школе русских

учебников она занялась переводом их на хантыйский язык, который знала в совершенстве. Написанием учебников на языках инородцев занималась и Обдорская миссионерская школа и миссионерское общество, которые имели возможности более организованно и более грамотно подойти к этому важному делу.

Весьма примечательной деятельностью в деле народного образования и приобщения к культуре в эпоху духовного Ренессанса в Сибири проявила Пелымская обитель. При монастыре была открыта школа-интернат для детей манси. Это начинание нашло полную поддержку Тобольского митрополита и сибирского губернатора. Здесь, в Пелымской обители, отмечал сибирский писатель К.Я.Лагунов, зародилась сибирская школа. Собрана редчайшая по тем временам библиотека, золотой сердцевиной которой явились рукописные фолианты, здесь же родился первый в Сибири этнографический музей.

В 1898 году в Тобольске была издана "Книга остяцким детям читать и писать", написанная И.Егоровым азбука, а затем переведены молитвы. В 1900 году была издана на хантыйском языке "Еманыч Ястока" ("Священная история"), в 1902 году - книга "Опыт переложения церковных молитв на хантыйский язык", в 1903 году - "Слова и фразы на ненецком языке", "Священная история" и др. В том же году появилась "Азбука для вогул" приуральских авторов, написанная епископом Никанором, законоучителем Казанской духовной семинарии. Много сделал для духовного и светского просвещения инородцев проповедник православной миссии в Обдорске Петр Иванович Попов, проживший здесь более 20 лет.

При монастырях в школах обучали не только грамоте, но и различным ремеслам, чтобы способствовать проникновению в туземные юрты русской культуры и быта. Учили столярному делу, гончарному производству, выделке кирпичей, кладке печей и т.д. Как и во всех церковных и монастырских школах, дети сами себя обслуживали. Вместе с монастырскими служителями они забрасывали невода, учились неводному делу, сушили и чинили рыболовные снасти, а осенью занимались сбором грибов и ягод, охотились за дичью. В летнее и

осеннее время занимались и полеводством. Трудовое обучение имело не только просветительские, но и коммерческие цели, и это приносило школам определенную экономическую выгоду.

В Обдорской миссионерской школе в 1899 году священник И.Егоров организовал рыболовную артель, в которую вошли не только дети, но и их родители, а также сами миссионеры. Взрослые учили детей как правильно солить, вялить, сушить рыбу, а тесное общение миссионеров с инородцами помогало приобщению народов Севера к православной вере и к русской культуре.

Обдорские власти и рыбопромышленники были очень довольны такой работой миссионеров. Ведь священнослужители увязывали свою пасторскую деятельность с заботой о поднятии общей культуры производства, пропагандировали добропорядочность бытия, личную гигиену. Для этих целей они выделяли определенные денежные средства.

Здесь же, на рыболовном промысле на песке Тар-Вайнуй, который откупила Обдорская миссия, были все необходимые сооружения и здесь же была церковь-палатка. В ней в назначенное время совершались церковные службы. А школа, не нарушая трудового режима артели, сочетала учебные занятия с утренними и вечерними молитвами.

В начале XX века Министерство народного просвещения начало принимать более настойчивые меры по обучению туземцев на их родных языках. В 1911 году было принято постановление о переводе всех школ в разряд русских, национально-патриотических. В 1913 году были приняты новые правила, которые предоставляли право вести обучение в первых классах на родных языках.

Благодаря исключительному положению и большой помощи Синода, пожертвованиям населения и правительственным мерам по экономическому укреплению хозяйства Кондинского монастыря, он стал обретать еще большее значение в распространении культуры и просвещения среди нерусских народов. Улучшение материального благосостояния позволило монастырю расширить сеть миссионерских школ на всей территории Югры.

Этот монастырь был самым красивым на всем Обском Севере.

Открытый еще в середине XV века, он поражал всех особенностью архитектурных решений, благостным свечением зеленого, белого и золотого цвета. Внутри храма блиставшая золотом огромная паперть с распятием Христа, с иконами Святой Богородицы, Николая Чудотворца, замыкалась большим портретом (в полный рост) Тобольского митрополита, великого просветителя инородцев Филофея Лещинского.*

Церкви и храмы на Обском Севере становились центрами распространения христианской этики. Одним из главных был ритуал крещения. Этот православный обряд пресечения инерции наследственной греховности местное население стало воспринимать как одно из главнейших событий в их жизни, а в ритуале "причащения" они соединяли себя с Христом, навсегда поселяя его образ в своей душе. В обиход ханты и манси вошли понятия "исповедь", "покаяние", "таинство брака", "отпевание" и т.д.

Не случайно современник русского Ренессанса В.М.Соловьев писал, что продвижение русских через Сибирь - это подвиг во имя распространения христианства среди нерусских народов, ибо церковь была главной нравственной силой в борьбе с невежеством.

Главной заслугой, кроме чисто духовного возрождения нерусских народов, было и то, что христианство несло образованность и приобщение к достижениям художественной культуры, русского и мирового искусства. В монастыре велись часто беседы по содержанию живописных полотен библейской истории.

В Кондинском монастыре велись летописи, регистрации гражданских актов, отчеты по миссионерской деятельности, книгописание, выполнялись переводы молитв и священного писания на языках инородцев, распространялись цветные иллюстрации библейских сюжетов, а молодежь, обученная богословию в монастыре, несла с собой в юрты и паулы молитвы и книжки светского содержания.

* - общий вид храма автором был произведен на картине "Белокаменный храм на Оби", которая хранится в фондах Октябрьского краеведческого музея.

Монастырь был не только религиозным центром Югры. Он был центром культуры и искусства, а монастырское послушание для коренных жителей - как идеал соборной бытности.

Церкви были какой-то защитой верующих от грабежей и произвола местных властей и чиновников. В архиве внутренней политики и быта (в Санкт-Петербурге) хранится признание попа Скосырева из Кондинского монастыря, который признавался, что он "был прельщен от всегубителя дьявола и брал от инородцев пожитки ради послабления ими идолопоклонства".

В дни церковных служб и престольных праздников, на которые съезжались почти все новокрещенные инородцы, в селах устанавливался определенный порядок: разгонялись "богомерзкие сходки" пьяных обывателей, жестко преследовались богохульство, прелюбодеяния и грехопадения.

В эпоху духовного русского Ренессанса все религиозные центры Обского Севера (Кондинск, Березово, Пелым, Обдорск) развернули самую бурную, самую плодотворную во всей религиозной истории на огромнейшем пространстве Сибири миссионерскую деятельность по укреплению духовного и религиозного единства народов России. В Обдорске священником Иринархом было создано специально для целей просветительства местного населения "Братство священного Гурия". В уставе его отмечено: "... обращение инородцев к святой православной церкви, издание, распространение религиозных сочинений... нравственное очищение инородцев, борьба с пьянством... издание книг, учебников на инородческих языках - главная задача христианской церкви".

Член Обдорской миссии Иоанн Егоров был первым автором "Священной истории" на остяцком языке и "Краткого понятия о христианстве". В 1898 году в "Тобольских епархиальных ведомостях" (№ 11) было напечатано пособие для начального обучения грамоте остяков и самоедов. Миссия первой организовала на Обском Севере библиотеку, в которой в конце 1890-х годов насчитывалось около двух с половиной тысяч томов. При личном участии Иринарха в Обдорске был создан музей и при нем этнографический отдел, который

занимался сбором и изучением национального искусства и художественной культуры народов Обского Севера.

XXXXX

В эпоху духовного Ренессанса православная церковь резко изменила свою прежнюю тактику насильственного внедрения христианства (это имело место в религиозной практике на Обском Севере) и начала законодательно вводить принцип терпимости к религиозным воззрениям северян. В ряде законов за иноверцами сохранялось право на старые национальные обычаи. В 1911 году в решениях Казанского миссионерского съезда, позднее закрепленных постановлением Синода, говорилось: "...языческие верования не подвергать резкой ломке, а лучше постараться привести их к христианству, охристианизировать их".

Именно такими путями русская православная церковь в период духовного Ренессанса ставила цель эволюционным путем изжить у народов Обского Севера шаманизм и идолопоклонство. Только такие меры могли способствовать включению малых народностей в общее русло духовного возрождения России, помочь в сближении русских и других народов в культуре, искусстве, в равноправном пользовании общечеловеческими ценностями.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА 1920-1940 ГОДЫ

К событиям Октября 1917 года местное население Обского Севера (в большинстве своем) отнеслось равнодушно. Однако уже первые мероприятия новой власти были встречены с пониманием и удовлетворением. Начали открываться избы-читальни, народные Дома, а также школы и пункты по ликвидации неграмотности взрослого населения.

Избы-читальни явились совершенно новым типом культурно-просветительских учреждений в национальных районах Сибири. Они превратились в центры культуры в тайге и тундре. Безусловно, вначале было мало книг и газет, не было радио, не хватало грамотных, квалифицированных кадров. Но, несмотря на это, в избах-читальнях часто проводились беседы, устраивались громкие читки газет, журналов и книг. Обычно на такие мероприятия рыбаки, охотники, оленеводы собирались семьями.

Культурное строительство протекало в обстановке большого интереса со стороны коренных жителей. Они понимали, что новая власть открыла им широкий доступ к просвещению и культуре. Многочисленные просьбы и постановления сельских сходов об открытии школ подтверждали большую тягу трудового населения к просвещению.

Главнейшая задача состояла в том, чтобы ликвидировать неграмотность, осуществить всеобщее начальное образование, построить для детей школы, создать национальное народное искусство. Все эти заботы были переданы на местах в руки Советов, при которых повсеместно были созданы уездные и волостные отделы народного образования.

С помощью различных методов культурно-просветительной работы удалось разбудить национальное самосознание коренных жителей древней Югры, направить их на возрождение искусства советского характера, расковать творческие силы народа и положить начало созданию народно-демократической национальной культуры.

22 января 1921 года в Омске прошел съезд работников просвещения национальных районов Сибири и Севера, который определил меры по ликвидации неграмотности взрослого населения. Было решено "открыть на средства государства пансионы (интернаты) при всех национальных школах, находящихся в районах, населенных кочевыми туземцами". Проходившая вслед за этим съездом в г. Омске Общесибирская конференция коренных народов, а затем конференция в Самарово наметили пути улучшения медицинского обслуживания населения и культурно-просветительской работы.

Оживилась работа по ликвидации неграмотности и развитию народного творчества местного населения. "В селе Малый Атлым, - отмечалось в одном из документов тех лет, - организован культпросвет из 13 человек. Работа проходит хорошо. Ставим два спектакля". В другом документе сообщается, что в поселке Чемаша были поставлены спектакли "На чьей стороне правда" и "Кузен из Ярославля". Характерно, что в кружки художественной самодеятельности стали вовлекать молодых людей из числа коренных жителей.

С 1923 года начался плавный отпуск государственных средств на социально-культурные нужды народов Севера. Было решено создать центральный орган, который бы объединил все усилия по ликвидации отсталости народов Севера в масштабах всего государства. 24 июня 1924 года был создан Комитет народностей Севера, в 1925 году -

Уральский комитет Севера, а в апреле 1925 года - отделение комитета Севера при Тобольском окружном исполкоме (в него вошел В.М.Новицкий, изучавший положение Тобольского края).

В 1925-1926 годах Тобольский комитет Севера разработал целую систему мер по вовлечению малых народностей Севера в культурное строительство. Были созданы передвижные культурные отряды. При учебных заведениях открылись подготовительные группы студентов из лиц коренных национальностей. При Тобольском педагогическом техникуме открыли национальное отделение. В высшие учебные заведения систематически командировались представители северной молодежи. В одном из документов комитета Севера говорилось: "Самым важным из основных положений улучшения быта инородческого населения является поднятие его культурного уровня".

Первейшей задачей комитет считал ликвидацию неграмотности. Основным типом вновь организуемых северных школ были интернаты. Дети находились там на полном государственном обеспечении. В 1925 году такие школы были открыты в Югане и Низямах. Затем была открыта на местные средства Широковская школа-интернат в Сургутском районе. В 1926 году были построены две национальные школы в Кондинском районе. В том же году была открыта одна из первых хантыйских школ в юртах Мулигорт учителем Николаевым.

Исключительную роль в организации и развитии народного образования на Обском Севере сыграли в те годы Иван Дмитриевич Непомнящих, Николай Степанович Трусков, Аркадий Николаевич Лоскутов, Алексей Васильевич Голошубин и др. Ученые-лингвисты Ленинградского Восточного института приступили к разработке письменности, к созданию "Единого северного алфавита". Латинская транскрипция с диокритическими знаками, из 32 букв, дала возможность в письме передавать фонетическое разнообразие языков народов Севера. Для создания письменности была образована специальная комиссия из представителей Наркомпроса, Академии наук и ученых-сибироведов В.Г.Тан-Богораза, Л.Я.Штернберга, Г.Н.Прокопьева и др. Инициаторы создания письменности стремились к тому, чтобы обучение на родном языке в значительной мере ускорило процесс духовного,

умственного и художественного развития детей и взрослых. Окончательно алфавит северных языков был утвержден 23 февраля 1931 года.

Введение алфавита и письменности сыграло существенную роль не только в совершенствовании школьного образования, но и в ускорении ликвидации неграмотности на всей территории севера Сибири. В самых отдаленных поселках создавались маленькие школы по ликвидации неграмотности, посылались учителя для индивидуального и группового обучения охотников, рыбаков, оленеводов.

Эти меры позволили постепенно привлечь население к посещению кружков ликбеза. Местные жители стали охотнее соглашаться на обучение в индивидуальном порядке. Ликвидацией неграмотности были охвачены и женщины. Соборания делегаток-женщин, возникшие в те годы, были одной из форм постепенного пробуждения самосознания, раскрепощения, вовлечения их в культурное строительство, приобщения к грамоте и культуре. Так, например, в отчете сельорганизатора Кондинского (ныне Октябрьского) собрания отмечалось: делегатки часто проводили собрания, ставили спектакли, слушали лекции, обучали неграмотных и малограмотных женщин.

Большую разъяснительную работу провел Балыко-Пимский туземный исполком против калыма и многоженства. Делегатки приглашали женщин в качестве “вольных слушателей” на свои собрания, вовлекали их в работу различных комиссий и секций, направляли их в качестве практиканток в общественные и хозяйственные организации.

В 1930-е годы начал складываться первый опыт своеобразных форм и методов работы с полукучевым и кочевым населением Севера. Некоторые избы-читальни передвигались вместе с кочевым населением. А для оседлого населения начали создаваться Дома народов Севера. В Юганске был организован “Дом остяка”, который устраивал картинные выставки, проводил беседы на различные темы и ставил пьески по материалам местной жизни.

Росло число школ. Если в 1924-25 учебном году их насчитывалось на всем Обском Севере 20, то к концу 20-х их было уже 32. В 1927

году этими школами было охвачено 40 % детей манси и 10 % детей ханты. Работало в эти годы 15 изб-читален, 6 красных чумов и 6 радиоустановок.

Красные чумы и избы-читальни в эти годы играли очень большую роль в распространении грамотности, в развитии творческих способностей народов Севера. Казымская изба-читальня в 1929 году поставила 12 спектаклей, организовала 4 громких читки (кстати, они у местных жителей пользовались большой популярностью), здесь постоянно работали различные кружки.

В 1930 году на Тобольском Севере в местах обитания коренного населения было вновь открыто 5 изб-читален, 6 красных чумов, 2 Дома народов Севера. Большую работу по вовлечению в культурное строительство оленеводов, охотников, рыбаков вели Дома народов Севера, которые имели радио, кино, проекционные фонари, плакаты, газеты-иллюстрации. Активными участниками культурной революции были А.А.Архипов, М.М.Броднев, М.И.Кузьмина, С.В.Давыдов, П.Е.Хатанзеев в Собских юртах, А.В.Голошкбин на реке Ляпине, А.Л.Лабин в селе Карым, учитель Николаев в юртах Мулигорт, ханты М.Я.Савин, В.З.Хуланхов, Х.П.Пухленкина, Э.П.Тояркова, Л.И.Ернов и другие.

Главным достижением этих лет следует считать, что местное население активно начало привлекаться к культурному строительству. У них пробудилось чувство национального самосознания, было преодолено недоверие к грамоте и культуре. Именно в эти годы были созданы предпосылки к созданию национальной художественной культуры.

Важнейшим материалом для этого явился национальный фольклор, обладавший большой силой эмоционального и нравственного воздействия. Национальные сказки, задушевные песни, остроумные самобытные загадки, веселые игры и танцы - все это послужило основой для создания художественной культуры народов Севера. Фольклор традиционно был проникнут оптимизмом, верой в неизбежность победы трудового человека, верой в победу добра над

злом. В своих сказках и преданиях народности Севера, как правило, высмеивали глупость, скупость и восхищались находчивостью простых людей.

Народное художественное творчество было представлено не только устным поэтическим искусством. В нем органически переплетались музыкальное, драматическое, хореографическое и изобразительное искусство. В своих старых песнях и преданиях ханты и манси жаловались лесам, горам, деревьям на свою бедность и нужду, выражали надежду на лучшую жизнь.

Одним из популярных и любимых видов искусства у народов Обского Севера были танцы. В них ханты и манси изображали свои трудовые будни в суровых условиях Севера, внутренний мир человека и свое отношение к различным событиям. Танцы исполнялись чаще под аккомпанемент пятиструнной цитры - "домры". Особенно много танцевальных номеров исполнялось в драматическом представлении - "медвежьих праздниках". Таковы выступления "комаров", "журавлей", "филина", "огненной лисицы" и т.д. Были в театральном арсенале и военные танцы, а также ритуальные танцы леших, "танец сына и дочери черта", четырехрукого и двуликого лесного существа, танцы татар, женщин, которые шьют малицы, шапки...

По своему содержанию танцы народов Севера большей частью были религиозными. В зарождавшейся новой художественной культуре народные танцы, в силу запретов религиозных ритуалов, стали изображать охоту на медведя, сбор черемухи, другие трудовые процессы, выливаясь в новые сценические варианты. Они сохраняли самобытные элементы народных мелодий и своеобразие танцев.

Многие танцы народов Севера в прошлом представляли театрализованные массовые национальные игры. И поэтому они явились богатым материалом для драматических постановок, танцевальных сюит.

Драматическое искусство северных народностей в прошлом было связано с древнейшими представлениями и взглядами на окружающую действительность, с жертвоприношениями и с заклинаниями злых и добрых духов. В этих традиционно-культурных праздниках бытовала

относительная свобода художественного общения. Эти праздники были началом "театра". Фольклорная основа народного творчества не знала "разделения" труда на драматургов, артистов, музыкантов, художников. В этом "театре" не было сцены, не было в ней и зрителей. Драма разыгрывалась исполнителями для самих себя. А участниками могли быть все присутствующие. В этом заключался демократизм всех традиционно-бытовых игр и всего народного художественного творчества. Традиционно-культовые представления всегда носили импровизационный характер во всех этнических группах народов Югры.

Безусловно, сценография фольклорного театра была неширокой. Декорации почти отсутствовали. Но все участники драматических представлений были обязаны строго соблюдать одно важнейшее правило: быть на празднике (в частности - "празднике медведя") только в театральной маске. Маски были примитивными и прямолинейно обозначали лубочную характеристику. Смелость изобретательных гипербол в сочетании с жизненной реальностью и фантастичностью были характерны для этих инсценированных представлений. Подлинно народная основа традиционных театрализованных постановок всегда выражала искреннюю влюбленность северян в стихию, переосмысленную и перенесенную на сцену в ироническом плане.

В 1930-м году в числе других был образован Ханты-Мансийский национальный округ. Народы Югры объединились на основе этнической, экономической и культурной общности. Создание округа закрепило преобразования, происшедшие в жизни малых народностей Севера. Возросший промышленный потенциал страны в целом создал условия для роста производительных сил и благосостояния северян. Это позволило более интенсивному оживлению национальной художественной самодеятельности в самых отдаленных пунктах расселения ханты и манси. В Казыме учителя, медицинские работники, кроме чтнок газет, журналов, систематически проводили вечера самодеятельности с привлечением большого числа местных жителей. Они разучивали национальные песни, игры, танцы. Организаторами этой работы были здесь Резчиков, врач Андерман, учитель Зальберг и др.

Для дальнейшего развития художественной самодеятельности в 1934 году были проведены районные смотры национального творчества. Были показаны национальные танцы, песни, игры на старинных национальных инструментах, а также произведения прикладного искусства.

В развитии национального творчества сыграл свою роль юбилей национального округа. В концертах, олимпиадах национального искусства участвовали рядовые рыбаки, колхозники, оленеводы и представители интеллигенции. Юбилейные торжества стали праздниками искусства народов Севера. В ходе подготовки к юбилейным торжествам в национальных поселках, райцентрах и в юртах создавались новые коллективы художественной самодеятельности.

Олимпиады национального искусства вошли прочно в жизнь северных народностей и сыграли в развитии творческих способностей главную роль. Устраивались концерты по радио, проводились беседы об искусстве, о творчестве отдельных членов коллективов национальной художественной самодеятельности. Для пропаганды изобразительного искусства проводились выставки предметов рукоделия, декоративно-прикладного и изобразительного искусства.

Большую роль в духовной жизни тружеников Севера, в развитии художественной культуры сыграли учебные заведения округа. В начале 1930-х годов в Ханты-Мансийске было открыто педагогическое училище для подготовки учителей начальных классов. В Тобольске Северный техникум готовил учительские кадры из лиц национальной молодежи. Готовились кадры интеллигенции из коренных северян сразу в четырех учебных заведениях города на Неве - в университете, в Восточном институте, в Институте народов Севера и в педагогическом институте им. Герцена. Только на северном факультете Восточного института в 1933 году обучалось около 400 студентов - представителей народностей Севера. Этот институт стал центром, где создавались первые северные словари, журналы, книги. Здесь учили живописи, графике и скульптуре, здесь зарождалось драматическое искусство народов Севера. Писатель Г.Гор в статье о зарождении национального искусства у студентов

Института народов Севера приводит слова известного искусствоведа Н.И.Лунина о том, что “северяне, не имевшие никакого представления о классическом искусстве, еще меньше знавшие современные течения в искусстве, обнаружили такую высокую художественную культуру и такое острое чувство в понимании современных задач искусства, что у всех, кто побывал в мастерских и видел работы учащихся, сложилось определенное мнение: эти работы - событие в нашем художественном мире, могущее сыграть большую роль в развитии современного искусства, и это не преувеличение”.

Для студентов народов Севера в 1930-е годы при институте были организованы классы рисования, специальные мастерские лепки и скульптуры, театральные сценические группы, кружки национальной хореографии и оркестры. В этих классах учились будущие художники Панков и Натускин. За панно и картины русского павильона в Париже К.Панков награжден Золотой медалью Гран-При. Много картин в те годы создал художник-ханты Н.Натускин, который, как и Панков, передал в них неповторимую красоту Обского Севера. А позднее Н.Натускин совместно с К.Панковым написали крупное панно для павильона Арктики на ВДНХ.

Большое внимание в Институте народов Севера уделялось развитию художественной самодеятельности. Студенты-северяне имели в своем репертуаре национальные песни и танцы. Произведения эти были оригинальными, интересными. Но как песни, так и танцы требовали музыкального обогащения и обработки. Все студенческие национальные группы (хантымансийская, чукотская, эвенкийская) объединялись в общий хореографический коллектив, которым руководила Т.Ф.Петрова-Бытова, известный специалист по искусству народов Севера. Все преподаватели вузов отмечали их большую одаренность в музыке. Т.Ф.Петрова-Бытова по этому поводу писала: “Все народы Севера по натуре музыкальны... В национальной самодеятельности северян постоянно повышалась эта музыкальность вместе с танцевальной техникой и общей культурой. Это позволило участникам самодеятельности исполнять танцевальные этюды на музыку Шуберта, Грига, Штрауса, Чайковского”.

Хореографический коллектив Института народов Севера стал участником первого фестиваля танцев, который состоялся в городе на Неве в 1935 году.

Художественная самодеятельность позволила возродить самобытное и яркое драматическое творчество народов Севера, сформировать в нем новые формы. Удалось также объединить в театральные группы студентов, проявивших сценические наклонности. Это дало возможность создать при институте общий национальный театр народов Севера. В 1937-38 учебном году при институте работали кружки художественной самодеятельности: эвенкийский, нанайский, хантыйский, ненецкий и др. Они имели большой успех на вечерах студентов и в городских смотрах.

Большую работу по художественному воспитанию молодежи северных народностей вели средние учебные заведения. Так, в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище был организован музыкальный кабинет, оснащенный оркестровыми инструментами. Имелось также и несколько десятков национальных инструментов: туларан, гусь, санкгвальтап и др. В училище было два оркестра - духовой и домброво-балалаечный. Студенты с большой любовью относились к урокам пения, музыки и факультативным занятиям по искусству. Хор более чем в 90 человек в те годы был гордостью города и округа.

В 1930-е годы начинает складываться национальная литература народов Севера. Молодые писатели П.Чейметов, М.Вахрушева, Г.Лазарев приступили к переводам русской классики на языки ханты и манси. Создание письменности на языках народов Севера способствовали изданию на их языках поэтических произведений, которые имели огромный успех среди национального населения.

Зарождавшаяся новая художественная культура северных народностей имела ряд особенностей. Во-первых, эта культура возникла в недрах самодеятельного народного творчества. Она приобщала к искусству широкие массы людей. Приобщение шло не профессиональными, а самодеятельными и заимствованными у других

народов формами искусства. Во-вторых, новая художественная культура заимствовала все передовое, что было, прежде всего, в культуре русского народа, несопричастное с современным бездуховным искусством “дикого Запада”. В-третьих, художественная культура народов Севера изначально была коллективным творчеством.

В 1930 году начался переход на всеобщее начальное обучение. За десять последующих лет число национальных школ в Ханты-Мансийском округе возросло с 89 до 126, число учащихся возросло почти в два раза.

В эти же годы наблюдался значительный рост клубных учреждений: если в 1930 году в Ханты-Мансийском округе было 39 таких учреждений, то в 1940 году их стало 106.

Резко возросла сеть больниц и медпунктов. Впервые в истории народы Севера почти полностью освободились от эпидемических и социальных болезней. Реконструкция всей экономики округа, рост культуры, образованности и самосознания местного населения ускорили решение одной из сложных проблем на Севере - проблема перевода полукочевых народов на оседлость. Только в 1940 году вновь было построено более 50 поселков.

Большое распространение в округе получила местная печать. Создание и развитие печати, письменности на языках народов Севера обогатило духовную жизнь северян, ускорило приобщение их к цивилизации и искусству. В 1931 году начала выходить “Остяковогульская правда”. Печать способствовала агитации за новый быт и новую культуру. Однако было ясно, что “обычные методы административной, экономической и культурной работы неприемлемы на северных окраинах... и не позволяют вести планомерное обслуживание существующих культурных пунктов”. Это вынудило местную администрацию обратиться в центр с просьбой начать строительство специальных культурных баз. Просьба Тобольского комитета Севера была поддержана. Было решено разместить культбазы в районах наибольшей концентрации оседлого населения и передвижных туземных хозяйств. Культбазы должны были стать комплексом культурно-

бытовых учреждений, иметь школу-интернат, Дом народов Севера, красный чум, библиотеку, врачебно-медицинский пункт. Являясь очагами культуры и реконструкции быта народов Севера, культбазы должны были иметь "планировку усадьбы, оформление и содержание зданий с внешней и внутренней стороны, инвентарь и оборудование, устройство и содержание улиц и площадей образцово-показательными".

Первой на Обском Севере была открыта в 1930 году Казымская культбаза. Расположилась она на реке Амне, на территории, где проживали и кочевали ханты и коми, занимавшиеся рыболовством, пушным промыслом и оленеводством. Здесь проживало 755 ханты, 166 коми, 170 русских и 19 татар.

В конце 30-х годов начала действовать Сосьвинская культбаза, призванная обслуживать оленеводов и охотников Саранпаульского, Ломбовожского и Няксимвольского национальных Советов Березовского района. Из 3610 человек местного населения манси составляли 62%, коми - 26%, ненцы - 5%.

Составной частью культбаз были красные чумы, как передвижные учреждения культуры для обслуживания близлежащих юрт и деревень. Первые красные чумы были организованы в Салыме, Тром-Агане и на Сосьве. Они оказывали сильнейшее культурное влияние на жителей тайги: проводили вечера самодеятельности, организовывали драматические и музыкальные кружки, записывали национальные песни и сказания.

Многие красные чумы в 30-е годы имели уже немалый опыт работы. Так, Сытоминский красный чум (Самаровский район) за 1934 год поставил 8 спектаклей. Такую же работу вел красный чум Сосьвинской культбазы. В 1936 году он провел для населения 59 вечеров самодеятельности, из них 19 на национальном языке. Было поставлено 5 постановок, исполнено 24 национальные пляски, 36 национальных песен. Этими мероприятиями (включая беседы и собрания) было охвачено 2827 женщин, 3250 мужчин, из них 5072 манси, 600 коми и 405 человек русских. Таких активных чумов (из 70 в округе) было много.

21 июня 1935 года Комитет народов Севера был упразднен. Дальнейшее руководство экономикой и развитием культуры было передано Государственному Управлению Северо-Морского пути (ГУСМП), которое возглавил знаменитый полярник, академик О.Ю.Шмидт. Непосредственное руководство подъемом культуры народов Обского Севера было возложено на Омское территориальное управление ГУСМП. Начальником этого управления был назначен И.И.Первухин, инструктором по просвещению, вопросам культуры и быта - Н.Н.Минин, методический отдел возглавила А.Н.Смирнова.

15 декабря 1936 года начальником ГУСМП О.Ю.Шмидтом было подписано "Положение об организации отдела культуры по обслуживанию народов Севера". Этот отдел руководил строительством новых культбаз, организовывал и оборудовал подвижные культурно-просветительные учреждения, ведал дошкольным и школьным образованием, культурно-массовой работой, здравоохранением и т.д. Сюда же входили заботы по организации кружков художественной самодеятельности, национальных театров, по изданию литературы на языках народов Севера, развитию кино, радио, прикладного искусства.

Культурные базы явились главными центрами в создании художественной культуры народов Севера. Художественные ценности создавались в самой гуще трудящихся при опоре на фольклорные традиции. Рыбаки, охотники, оленеводы учились самостоятельно разбираться в ценностях художественных произведений, которые были близки народу и создавались для народа. Они получали определенный запас теоретических знаний.

Наиболее массовой и популярной формой работы культбаз были олимпиады национального творчества. Так, в художественной олимпиаде Сосьвинской культбазы в 1939 году приняли участие 66 самодеятельных артистов и 400 участников из народностей ханты и манси. Они исполнили 24 национальных танца. Здесь было представлено 10 новых песен на национальном языке, 5 рассказов, 6 различных музыкальных номеров.

Национальный колорит произведений убедительно свидетельствовал о большом росте народной художественной культуры.

26 участников художественной олимпиады были отмечены премиями за оригинальное исполнение танцев и песен. Лучшими исполнителями были признаны А.И.Таратов, манси из Шоминского поселка, за песню собственного сочинения и Н.Н.Оманова, его односельчанка, которая выступила с авторским рассказом на мансийском языке.

А олимпиада 1940 года превратилась в большой массовый праздник, она привлекла около тысячи участников и гостей, выявила новые молодые таланты и целые коллективы. На этой олимпиаде были организованы выставки художественного и прикладного искусства. Культурные базы со своими учреждениями специфической формы - Домами народов Севера, красными чумами - явились в предвоенные годы опорными пунктами в зарождении и формировании новой художественной культуры. Культбазы приобщали трудящихся к искусству. Они развивали национальное творчество, создавали коллективы художественной самодеятельности, помогали ее участникам развивать свою национальную культуру.

При всех недостатках и упущениях по развитию культуры в предвоенные годы были достигнуты определенные успехи как в повышении общей культуры народов Югры, так и культуры художественной. Именно в эти годы, на этом этапе сформировалась сеть учреждений народного образования, была (в основном) ликвидирована неграмотность, начала создаваться письменность и печать, зарождалась национальная литература, самодеятельное национальное творчество и профессиональное национальное искусство.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Культурные преобразования, начавшиеся после 1917 года, были прерваны второй мировой войной. С первых дней войны рыбаки Ямала, охотники Приобья, труженики сельского хозяйства, работники лесной промышленности и трудовая интеллигенция подчинили все нуждам фронта. Перестройка коснулась и работы культпросветучреждений. На местах лова рыбы было организовано множество культстанов. Каждый из них представлял собой комплекс социально-бытовых и социально-культурных объектов.

Но в работе всех культурных учреждений Обского Севера оставалась одна трудность - отсутствие своего литературного языка. Как отмечалось, создание своей письменности началось еще в конце 1920-х годов, окончательный алфавит был утвержден в феврале 1931 года. Но, к примеру, в языке ханты существовали три родственные диалектные группы: северная, южная и восточная. В силу известных причин, сложившихся в истории этих народов, представители диалектов не имели хозяйственных связей и редко общались друг с другом. Вследствие этого они настолько разошлись в своем языковом развитии, что перестали понимать друг друга.

Для создания письменности народов Севера были определены диалекты, выявлены основные фонетические закономерности. На основе

их были разработаны алфавиты и орфография трех диалектов: казымского, сургутского и ваховского. Активную помощь в создании письменности оказали студенты Института народов Севера - ханты П.Хатанзеев, А.Алычев, Н.Терешикин.

В годы войны была продолжена работа по созданию литературного языка всех народностей, населявших Обской Север. Организационное начало этому в Ханты-Мансийском округе положила окружная газета. Редакция ее обратилась ко всем жителям с просьбой выступить со своими предложениями по данному вопросу. На просьбу газеты откликнулись начинающие писатели, поэты из народностей Севера и местная интеллигенция.

В конце июня 1941 года редакция окружной газеты опубликовала статью "Развитие хантыйской литературы - боевая задача дня", а затем еще несколько статей, в которых были даны основные направления по разработке хантыйского литературного языка. В окружном центре была создана специальная комиссия по дальнейшему развитию национальной литературы как хантыйской, так и мансийской народности.

В 1941 году во всех районах округа было создано 9 авторских бригад, которые занимались переводом отдельных книг с казымского на среднеобской диалект, сбором национального фольклора, подготовкой и переводами книг с русского языка.

Районные газеты часто печатали стихи Лазарева, Савиных, Таногина, а также статьи о культурных преобразованиях отдаленных юрт Амны, Кислора, Хуллора, Юильского городка и т.д. Редакция газеты "Сталинская трибуна" с благодарностью отмечала лучших селькоров, авторов стихотворений и рассказов: сотрудника НКВД А.И.Николаева, бывших фронтовиков Е.Г.Шалагинова и С.Е.Семенова, Н.Г.Кузнецова из окрисполкома, Д.Коротаева из Игримского рыбоучастка, санитарного врача В.М.Соколова, С.Наумова из рыбокомбината, младшего политрука Н.И.Кузнецова и многих других.

Молодые писатели П.Чейметов, М.Вахрушева, Г.Лазарев, И.Истомин, П.Хатанзеев, И.Ного в эти годы приступили к переводам

произведений русской классики и к созданию первых драматических произведений на своих языках.

В годы Великой Отечественной войны еще не оформилась и не сложилась профессиональная литература народов Севера. Но работа, проведенная по созданию национального литературного языка, способствовала широкому ознакомлению ханты и манси с братской литературой великого русского народа. Молодая литература малочисленных народов несла в массы большой патриотический заряд. Она способствовала духовному росту, художественному воспитанию и имела исключительное значение для дальнейшего развития народного образования и подъема художественной культуры Югры.

Не прекращалась работа по художественному воспитанию трудящихся, по развитию национального творчества. Велась обработка местного фольклора, особенно отражающего тематику Отечественной войны. Культбазы, Дома народов Севера, избы-читальни, сельские клубы стали еще больше приобретать роль центров развития культуры, народного творчества.

Важнейшую роль в этническом и патриотическом воспитании населения Ханты-Мансийского округа играли семилетние и средние школы. В репертуаре школьных коллективов были произведения, отражавшие героизм войны: пьесы "Матросов", "Дочь партизана", "О Ленинграде" и др. В большинстве школ работали драматические, хоровые и музыкальные кружки.

В марте 1945 года в Ханты-Мансийске был проведен очередной окружной смотр народного творчества. Местная печать, подводя итоги, отмечала: "Война против немецко-фашистских захватчиков вызвала огромный подъем патриотических чувств, а изгнание фашистов с территории нашей страны вызвало трудовой подъем, который был показан в самодеятельном искусстве. Особенно надо отметить рост творческих сил народов Севера". Далее газета отмечала, что около 20 национальных коллективов, принявших участие в окружном смотре, получили высокую оценку зрителей за исполнение номеров, в которых отражались будни фронта и тыла. 55 участников были награждены

подарками и дипломами. В их числе А.Таскаева (Кондинский район), Е.Монина и А.Когина (Березовский район), Р.Ложнева (Сургутский район) и многие другие.

Ежегодно в летние месяцы сенокосные, рыболовецкие бригады и национальные поселки округа обслуживали две плавучие культбазы, более 20 культлодок, около 20 кинопередвижек.

Успешно работал по художественному воспитанию местного населения Микояновский отдел культуры, в состав которого входила и Казымская культбаза. Летом 1942 года для обслуживания рыбаков, сенокосников была организована плавучая культбаза. Осенью 1943 года по инициативе районного отдела культуры рабочие и служащие рыбозавода начали строительство своего клуба. Более 260 человек приняли активное участие в его возведении. Открытие клуба рыбаков 1 января 1944 года сопровождалось большим концертом художественной самодеятельности, выступлением собственного духового оркестра.

В Микояновском районе на хорошем счету были Матлымская изба-читальня и Дом народов Севера на Казымской культбазе, районный Дом культуры в Кондинске (Октябрьское). Здесь систематически работали драматические, хоровые и музыкальные кружки, духовые оркестры. Регулярно проводились кустовые смотры художественной самодеятельности. Кроме номеров сценического искусства эти смотры включали в себя выставки рукодельных изделий, деревянных поделок и т.д. Только в Кондинске в смотре 1943 года в выставке самодеятельного детского творчества приняли участие 60 школьников. За удачное исполнение главной роли в пьесе "Веселый разговор" ученик 9-го класса Б.Бредйс получил Почетную грамоту и статуэтку.

Большую роль в патриотическом воспитании населения и развитии художественной культуры народов Севера в годы войны сыграли профессиональные драматические театры, эвакуированные из Киева, Харькова, Ленинграда. Они средствами искусства мобилизовывали трудящихся на оказание всемирной помощи фронту и укреплению тыла. "Песни, сатира, юмор, музыка - отмечалось в печати - все должно

было звучать по-новому и звучать с одинаковой силой как на фронте, так и в тылу”.

В январе 1942 года на сцене окружного Дома народов Севера ханты и манси увидели постановку К.Тренева “Любовь Яровая”. Зрители были восхищены игрой артистов Хмельницкого, Косьянко, Агаркова и др. Неоднократно шла пьеса К.Симонова “Русские люди”. Успехом пользовались пьесы “Дым отечества”, “Любимая девушка” и др. Постановка этих пьес проходила всегда при переполненных залах.

Особой популярностью театры и их артисты пользовались у молодежи. Студенты часто жертвовали своими крохотными хлебными пайками, обменивая их на билеты в театр. В трудовых коллективах составляли списки очередности посещения драматических постановок.

В августе 1942 года театр выехал на свои первые гастроли в Ямало-Ненецкий округ. Артисты поставили там 14 пьес, посвященных военной тематике: “Партизаны в степях Украины” А.Корнейчука, “Накануне” А.Афиногенова, “Депутат Балтики” Б.Рахманова и др.

Летом этого же года бригада Омской областной филармонии в составе композитора Б.Сагалова, артиста И.Дунаева, сосланного сюда скрипача Е.Драбика обслуживала рыбаков Ямальского и Ныдинского районов непосредственно на местах лова. Дунаев и Сагалов написали песню о рыбаках Ямала, которая с большим воодушевлением была воспринята ненцами. В то же лето эта бригада посетила Микояновский район и имела большой успех у местных жителей.

Еще в начале войны культурное шефство над Обским Севером взяли на себя артисты Тобольского драматического театра, которые вот уже более 50 лет ежегодно приезжают со своими постановками к жителям приполярных окраин, пользуясь неизменной любовью и уважением благодарных северных зрителей.

Безусловно, война задержала осуществление многих мероприятий по художественному воспитанию северян. Но в годы войны продолжали складываться и оформляться национальная литература и национальное искусство. Военные годы вписали в молодое искусство северных народов новую и самую яркую страницу его истории и развития.

ПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Шел 1943 год. На Северной Сосьве начиналась весна. Она была, как всегда, капризная и непредсказуемая. Неустойчивая погода, однако, не мешала ей полноправно распоряжаться своими таинственными силами воскрешения.

Тайга в этом крае безбрежная, реки - самые длинные. Это край бесчисленных озер, но озер самых больших, самых чистых и самых глубоких, а если это болота, то так же беспредельные.

Река Сосьва освободилась от зимнего льда, широко вздохнув половодьем. В отличии от красавицы Оби, она скромнее, мало имеет пойменных, заливных мест. Поднимая свои весенние воды, добирается до высоких берегов и величаво, одевшись в белую купень черемуховых зарослей, спокойно и торжественно несет свои воды к обским берегам.

Весенним тихим и теплым днем 1943 года началась моя трудовая деятельность: я был принят в Дом народов Севера (на Сосьвинскую культбазу) художником-оформителем. Для меня это было большим счастьем, и не только потому, что сбывались мои мечты, но и от осознания того, что моя работа кому-то нужна. К тому же она давала мне продуктовую карточку, право на хлеб.

Но самое главное мое заветное желание, которое, к счастью или несчастью - трудно судить, осталось со мной навсегда, на всю жизнь

-это тяга к знаниям. Война помешала дальнейшей учебе. Только после ее окончания, когда я уже работал учителем рисования и истории в Няксимвольской семилетней школе, открылась возможность учиться дальше. Наверно, не было в моей жизни счастливее дня, когда я стал студентом (хотя и заочником) Ханты-Мансийского национального педагогического училища. Я вошел с изумленным восторгом в этот храм науки и знаний и до сих пор с восторгом вспоминаю всех преподавателей тех лет, с присущей моему возрасту ностальгией. Я с бесконечным восхищением вспоминаю те годы. Но это было уже потом.

Рано утром начался мой первый в жизни трудовой день. Я хорошо его помню. Получая нужные краски для обновления надписи названия катера, который поведет на все лето плавучую культбазу, мне хотелось сделать ее очень привлекательной и красивой. С тайным желанием совершить какое-то чудо я начал писать на вновь окрашенном носу катера название "Культурник".

Когда я уже заканчивал писать название катера, ко мне подошел молодой парень-ханты. Он был из приезжих. Его святоподобное лицо, спокойный голос и добрая улыбка, его внутренняя умиротворенность создавала впечатление большого благородства и благопристойности его души. Все это в общей гармонии делало его внешность похожей на образ святого апостола.

Иногда старость до неузнаваемости меняет внешность человека. А этот юнец, который подошел в тот памятный день, до самой старости остался неизменным. Сейчас ему семьдесят лет, но Тебетев Митрофан Алексеевич, теперь член Союза художников, живет в Березово и до сих пор, создавая свои картины, сохранил благородство и притягательность своей прежней апостольской внешности.

При первой встрече на берегу Сосьвы при нем были маленький альбом и карандаш. На небольших листах он делал наброски видов красавицы реки. Он первым делом протянул мне руку и назвал себя:

- Я - Тебетев Митрофан.

Тебетев рассказал, что после окончания Ханты-Мансийского медицинского училища он едет в Усть-Манью и что очень любит

рисовать. Наш разговор пошел о красках, бумаге, рисовании и вообще об искусстве. Понадобилось пятьдесят лет, чтобы эту юношескую страсть к живописи осуществить полностью. До этого были годы заочной учебы, десятки персональных выставок, материальные лишения, адский труд.

Наш разговор увлек нас так далеко, так окрылил наши молодые порывы, что мы в тот памятный день на берегу Сосьвы поклялись друг перед другом стать художниками. Все эти пятьдесят лет мы, всяк своим путем, шли к этой заветной цели. Каждый из нас по-своему, в разной степени скромных, не имеющих базового специального образования, по признанию наших благосклонных почитателей стали художниками.

...Наша передвижная культбаза двинулась по Ляпину для обслуживания рыбаков и охотников. На базе был небольшой зрительный зал, медпункт, библиотека, читальный зал. Коллектив сотрудников был небольшой, но очень дружный и работоспособный. В него входили массовик, фельдшер, баянист, киномеханик и небольшая концертная группа, откомандированные своими предприятиями на лето в агитбригаду плавучей культбазы. Такой опыт культурно-просветительской работы в Березовском районе, да и во всем Ханты-Мансийском округе, получил повсеместное распространение.

Однажды вечером, после кино, к начальнику культлодки Федору Анфимовичу Кочневу подошел низкого роста манси и, подавая руку, неторопливо, на хорошо усвоенном русском языке, назвал себя:

- Я - Шешкин. Меня зовут Петром Ефимовичем. - В его голосе прозвучали интонации человека, уверенного в себе и знающего себе цену, но лишнего какого-либо самодовольства и самообольщения. (Он был дальним потомком ляпинских князей. Портрет его, написанный автором, находится в Березовском краеведческом музее).

После знакомства с коллективом плавучей базы Федор Анфимович пригласил Шешкина на чай. В небольшой уютной компании разговор затянулся до позднего вечера. Петр Ефимович рассказывал о себе, о том, что очень любит рисовать, вырезать ножом из дерева скульптурные

фигурки и пригласил нас к себе посмотреть их. Был уже поздний час, мы проводили Петра Ефимовича на берег и обещали назавтра обязательно зайти к нему в гости.

Была пора белых ночей. Вечерняя заря, не успев еще угаснуть, переливалась в нежную, прозрачно-чистую утреннюю зарю. На дальнем небосклоне едва было видно несколько мерцающих звезд. Тишина была удивительная. Притихший ненадолго от птичьих голосов, лес “выстроил” узкий коридор, по которому, как расплавленное серебро, безмятежно и тихо плыли прозрачные уральские воды Ляпина. Восторженная тишина своим благолепием белой северной ночи ласкала душу и, слитая с этой благодатью, растекалась во всей этой нерукотворной красоте.

Жил Петр Ефимович с матерью Марией Ивановной в типичной мансийской избе, срубленной из толстых лиственниц, с просторными сенями под одной крышей с домом. На маленьком деревянном столике, около чувала, заваленного мелкими стружками, мы увидели изумительную по своей грации, еще неоконченную фигурку рыси, вырезанную из сосны. На полке, вдоль левой стены от входа, стояли готовые фигурки белок, птиц, оленей. Позднее за свои работы, которые часто экспонировались на выставках России и за рубежом, П.Е.Шешкин был удостоен звания “Заслуженного работника культуры”.

Над деревянными скульптурами, на штырях, вбитых в стену, висели национальные инструменты: сангквалтап (мансийские гусли), тарынг (вид арфы) и небольшой струнный инструмент думран (мансийская скрипка). Петр Ефимович не только хорошо играл на всех этих инструментах, но и пел под собственный аккомпанемент. Много знал он старинных преданий, сказок и охотничьих притчей. Поговаривали, что его отец был искусным шаманом и весь свой дар художника, певца и сказителя он передал сыну. Так это или не так, но то, что перед нами был высокоодаренный и талантливый человек, - это было бесспорно. Вся его жизнь - это подвиг во имя искусства.

Возвращаясь от Шешкина, мы обратили внимание на то, каким был маленьким поселок Ломбовож. Но каких замечательных людей

он подарил своему народу. Здесь жил и работал самоучка-этнограф, художник и музыкант, поэт и сказитель Петр Ефимович Шешкин. Недалеко отсюда, в соседней деревушке Хошлог, родилась Евдокия Ивановна Ромбандеева - первая из женщин народов Югры ученый-лингвист, член Петровской Академии наук и искусств, сотрудник научно-исследовательского института возрождения угорских народов, автор более ста научных работ и монографий.

Все лето плавучая культбаза обслуживала национальное население, жившее по берегам рек Ляпина и Сосьвы: показывали концерты, постановки, вели громкие читки, демонстрировали кинофильмы.

Удивительное было время. Полуголодные, полураздетые люди не только хорошо трудились в невероятно тяжелых условиях войны, но по-прежнему посещали все постановки и концерты участников самодеятельности и сами принимали активное участие в создании художественных ценностей.

Как-то на культбазе довелось мне слышать песни манси Иженяковой Зинаиды Ивановны, выпускницы Ханты-Мансийского педучилища. В то время она проходила педпрактику в школе Сосьвинской культбазы. Это была красавица и обладательница такого голоса, который покорял своим волшебством не только соучеников по училищу, но и всех жителей окружного центра. Она была счастливой находкой руководителей студенческого хора и оркестра композиторов Гауфлера и Кучкова. Они вырастили эту замечательную певицу.

Помню ее прощальный концерт (после окончания училища Зинаида Ивановна уезжала в мансийскую деревушку Верхне-Нильдино). Зал культбазы был переполнен. Люди, стоя в коридоре, за сценой, очарованные ее голосом, бурными овациями долго не отпускали ее со сцены.

Училась Зина в педучилище весьма успешно, учеба ей давалась легко, но пение и музыка были для нее второй жизнью. К ее счастью, директором педучилища в те годы был фронтовик Георгий Тарасович Величко, любимец и гроза всех студентов. Это один из самых авторитетных людей города, один из самых талантливых педагогов и

организаторов народного образования в округе. Именно благодаря ему эстетическое воспитание студентов было настолько высоким, каким оно не было ни до него, ни после.

Студенты с большой любовью относились к урокам пения, музыки, к факультативным занятиям по искусству. Об этом мансийская писательница, выпускница педучилища М.П.Вахрушева писала: “Ведь на этих уроках мы впервые за многовековую историю жизни народов Севера овладевали нотной грамотой, и не на слух, а по нотам не только пели, но и воспроизводили на различных инструментах мотивы своих национальных песен, но также исполняли произведения великих композиторов - Бетховена, Баха, Штрауса... Роман Сенов искусно играл на сангвалтапе, под его музыку мансийские девушки Д.Тындыбина, Г.Вынгелева, сестры Соня и Лена Вынгелевы танцевали мансийский танец “Сбор черемухи” и пели мансийские лирические песни”.

Такой разноплановый репертуар в сочетании с русской, зарубежной, классической и местной национальной музыкой воспитывал высокий вкус и формировал новую художественную культуру в среде молодой интеллигенции округа. Планомерная, систематическая деятельность культбаз, средних и высших учебных заведений по художественному воспитанию коренных жителей Севера даже в трудные годы войны создавали возможности составления высокой художественной культуры.

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК НА СЕВЕРНОЙ СОСЬВЕ

В середине октября 1941 года в Сосьвинской школе-интернате был объявлен карантин по случаю массового заболевания гриппом. Учащиеся на две недели разъехались по своим деревням. На двух лодках и нас отправили в Нижне-Нильдино.

Короткая золотая осень, отшумев буйством красок, перед самым Покровом ленивой сумятицей первых снежинок покрыла берега таежной Сосьвы. Потемневшая в реке вода с какой-то печальной грустью и нехотя провожала на юг последние стаи уток и гусей. Опустевший лес после отлета птиц казался хмурым и осиротевшим. Только серые рябчики, как бы торжествуя в этом безмолвии, с утренней зари до заката солнца важно вышагивали по запушенным мягким еще снегом ветвям прибрежных кустов, целыми днями клевали черные, туго надутые, готовые лопнуть блестящие бусы черемух и рубиновые гроздья рябин.

По утрам, как только начинался мглистый рассвет, на песчаные косы реки садились тяжелые тетерева и глухари. Они спешили пополнить на непокрытых снегом галечных отмелях мелкими камушками свои "желудочные мельницы".

После чернотропья наступила чарующая пора еще теплой осени, когда землю медленно укрывали лениво качающиеся в воздухе снежинки. В лесу, на берегах рек и озер, в притихших после лета болотах ложилась торжественная зимняя тишина. Отраженные в потемневшей воде лес и кустарники, окутанные первым снегом, создавали неповторимую по красоте картину, наполненную нежным трепетом очарования. Наверно, ни одна самая богатая палитра самого искусного художника не способна передать всей глубины просветленного чувства торжественности, в какую погружалась эта чарующая красота. Не случайно один из патриархов живописи признавался: "Ничего постичь нельзя...кругом неразрешимая тайна... Пейзаж - в нем сам Бог, самый грандиозный и беспредельный".

Не доезжая до Нильдино, мы увидели двух собак, бегущих по берегу, и длинную, узкую лодку. На дне ее, на настиле, лежала бурая шкура, которая закрывала большие куски свежего мяса убитого медведя. В носу лодки отдельно лежала голова зверя, морда которого была прикрыта темной тряпицей. Знакомые нильдинские охотники Иван Павлович Таратов и Петр Сергеевич Вынгелев были довольны своей добычей. В конце разговора они пригласили нас на “медвежий праздник”.

Оба охотника были пожилыми людьми. Иван Павлович хотя и был слеп на левый глаз, а Петр Сергеевич с детства был хромым - оба они были хорошими промысловиками.

- Который? - спросил один из наших проводников.

- В моей жизни это уже десятый, - ответил Иван Павлович с какой-то не совсем определенной интонацией. Было непонятно, чего было больше в ней: гордости и удовлетворения, или боязни и страха.

По преданиям манси, медведь раньше жил на небе, а потом переселился на землю и стал патриархом рода человеческого. Такая вера в тотема, в его власть над миром хотя и была фантазией, но она всегда им казалась какой-то еще и реальной силой. Медведь был для них священным существом, и с ним даже с мертвым они обращались с большим уважением. Ведь в силу своего неземного происхождения он может не только умирать, но и снова воскрешаться.

Вечером в пауле Ивана Павловича начался медвежий праздник. Жителей в Нильдино было мало. Все хорошо знали друг друга, как и в любой небольшой деревне. Манси и русские жили мирно, без ссор, без скандалов, с благопристойным уважением друг к другу.

Все жители паула относились к медвежьим праздникам с большим интересом. Многие русские видели в обрядах ханты и манси подобие православных обычаев. Так, например, после того, как охотники убивали или вносили голову медведя в дом, они начинали бросать друг в друга снег, а летом “обрызгивали” друг друга землей, водой или мхом, окуривали голову медведя кусочками тлеющей чаги или просто огнем. Это был обряд очищения от грехов. В ходе медвежьего праздника были покаяния и молитвы, жертвоприношения, дарение прикладов, угощение, оказание почестей и утверждение веры в бессмертие души.

После того, как внесли голову медведя в передний угол паула и уложили старательно ее между лап, на ее глаза прикрепили монеты, а на конец морды надели берестяной кружочек. Но если бы была самка, то на ее когти женщины надели бы кольца, бусы, другие украшения.

Эстетическая ценность праздника, его религиозный характер, сходство обрядов не противоречили христианству в целом. И русские считали его ни чем иным, как праздником-богооткровением.

Эти праздники в сходных чертах имели место у многих народов Сибири, они были распространены по всей северной полосе Европы и Азии, и все они пришли из недр седой старины. На этих праздниках люди глубже понимали, что мир духовный есть таинственный мир веры, которая, по мнению русского поэта В.А.Жуковского, "есть достояние земной жизни, заключенной в пределах пространства и времени. Наше верховное сокровище - знание, что Бог существует и душа бессмертна, отдана на сохранение не мелкому рабу необходимости, а вере, которая есть высшее выражение человеческой свободы. Явления духов (они часто "появлялись" на медвежьих праздниках) непостижимые рассудку нашему, суть, так сказать, лучи света, иногда проникающие сквозь завесу, которою мы отделены от духовного мира".

Именно такими "лучами света" были медвежьи праздники в жизни народов Югры. Известный исследователь Сибири Н.Н.Харузин писал, что празднование это длилось несколько ночей подряд и носило религиозный характер.

Изба Ивана Павловича Таратова была довольно просторной. Мужчины, женщины, дети заполнили ее до отказа. Казалось, все жители деревни вместились в этом доме. Свободными были только проход от двери и небольшой участок середины пола. На праздник пришли недавно вернувшиеся с фронта А.В.Черкасов и Н.Л.Турнов, один без руки, другой без ноги.

Когда мы вошли, Иван Павлович сидел возле головы медведя, которая лежала от него слева. Он время от времени поглаживал ее рукой, поправляя бересту и монетки. Рядом с ним сидел пожилой мужчина, он играл на "акивр сангквылтапе" (гусли). Женщины в ярких цветных одеждах, с накинутыми на головы большими цветными

платками (некоторые из них закрывали ими лица от родственников мужа) расположились в другой половине. Яркость их одеяний создавали богатейшую палитру красок, которые обедняли всякую фантазию художника.

Однако этот праздник нельзя было сравнить с весельем скоморохов и неумностью балаганных представлений. Празднество у головы медведя было сдержанным и благопристойным. Правда, в конце оно было вакханальным и эротическим, но это было на исходе третьей ночи.

Неожиданно сдержанно-приглушенное внимание всех присутствующих испугал громкий крик молодых девиц, входивших в избу. Их обсыпали снегом, а некоторых обрызгивали водой. Только после этого их пропустили на женскую половину. Вслед за ними вбежали трое мужчин в подпоясанных веревками малицах, с берестяными уродливыми масками на лицах. Один из них был одет в женскую одежду, другой - в вывернутый мехом вверх полушубок. Представление началось с показа сценок охоты на медведя. Мужчина в одеяниях женщины имитировал второстепенность и малозначительность ее повседневных забот. Другой старался изобразить силу, смекалку, мужество мужчины. Весь сценарий был полон комизма и юмора, в котором "мужчина" старался показать свое превосходство перед "женщиной", но она не оставалась в долгу. Когда приходил ее черед, она в своем танце высмеивала физические слабости мужчины, унижая житейскую повседневную неспособность его у очага и на "кухне". Вся эта сцена вызывала общее буйное веселье.

Действия в "лицах" требовали большого мастерства. Они должны были в различных ролях от имени своих героев говорить на разных голосах, имитировать животных и птиц, подражать им в движениях и, главное, не боясь, изображать медведя. Фальшь здесь была недопустимой.

Все эти представления сопровождались пением, музыкой и танцами, с подражанием обитателям леса. Б.М.Шатилов так описывал момент камлания шамана А.И.Сагельтова: "Мы услышали пение кукушки - этой вещицы птицы... Ее мягкое мелодическое пение слышалось

довольно длительное время в разных углах юрты. Затем грустная, нежная мелодия кукушки вдруг сменилась как бы хлопанием крыльев огромной птицы... Потом мы были поражены подражанием "хохоту" совы...

Наиболее сложным был момент приветствия к медведю и ответного слова "хозяина леса". "Здравствуй, здравствуй, старик, - говорил кто-либо. "Медведь" отвечал им: "Здорово, здорово, ос емас олен".

В начале праздника танцевали перед медведем только мужчины. Закончив свой танец, они уходили в другую юрту, где была организована "театральная гримировочная". Туда мог зайти любой желающий для того, чтобы приготовить "костюм" для своего номера или маску. Причем маску из бересты делал себе сам "артист". Чаще всего такая маска была крайне примитивной: вязочки, отверстия для глаз. Сажей дорисовывали усы, прикрепляли длинный нос, стараясь сделать маску смешной и уродливой. В юрте на стене были развешаны готовые маски, которые хранились здесь от прежних медвежьих праздников. Они не имели никакого ритуального значения, их мог делать каждый и по желанию оставлять их в качестве реквизита для следующего праздника.

Все танцующие были в одеждах, вывернутых наизнанку, в рукавицах, одетых не на ту руку. Одевались так, чтобы медведь не видел обнаженного тела и не мог узнать человека, который плясал перед его мертвой головой, не мог ему отомстить после своего воскрешения. Все танцующие скрывали не только лицо, они говорили чужими голосами и называли друг друга по ходу сценария вымышленными именами. Виновника торжества они называли только словом "он", "старик" или "дедушка", "хозяин", "когтистый старик".

Все выступления вызывали или драматизм происходящего, или смех. Я был крайне поражен тончайшим юмором "артистов", которые пели импровизированные песни и частушки с удивительно едкой адресной насмешкой, но беззлобной, и с таким артистическим задором. Пел один. Он стоял в центре юрты, двое его соучастников ему подпевали, а иногда подпевали все хором, заканчивая общим смехом. Одного певца заменял другой, и все повторялось сначала, все более накаляя остроумие юмора частушек и песен.

Посетивший в прошлом веке Обской Север Н.Л.Гондатти писал: "...мотив песен очень разнообразен, то живой, то медленный, то страстный, то монотонный, то веселый, то грустный... Сюжеты песен различны: о жизни медведя в лесу, как он нашел себе подругу, про его жизнь на небе, поют о времени пришельцев, про богов, про любовь и ненависть друг к другу и отношения медведя к людям".

Медвежьи праздники - это сложная форма драматического искусства. В нем все: пение, танцы, поэзия, музыка, рисование масок, диалог, драма и комедия, реквизит театра и бутафория. В них все элементы театра с тем преимуществом, что в этом празднике больше демократизма: артистами могли быть все и каждый. В нем не было деления на зрителей и артистов.

В.Н.Чернецов, еще до войны посетивший медвежий праздник на Северной Сосьве, писал: "В маленькой юрточке собралось более ста человек. Заняты все места, какие можно только представить. Над нарами - галерка. На перекладинах положены доски, и на досках расположились ребяташки. Они там то копируют танцы, то укладываются спать, то галдят как воронята, пока кто-нибудь не прикрикнет, после чего они на мгновение примолкают, но с первым же появлением какой-нибудь маски снова начинают бурно изливать свой восторг. Глазенки их широко раскрыты, горят лица, они оживлены. Они не только зрители, но и деятельные участники празднества".

В.Н.Чернецов при нашей последней с ним встрече в 1948 году рассказывал, что в конце 1930-х годов на медвежьих праздниках всегда было очень много приезжих из разных деревень, порой далеко расположенных друг от друга. Так, на медвежий праздник в Ильби-пауле зимой 1937 года приехали не только манси, но и ханты из Алешкинских юрт, Мулигорта, Люлюкар, Лохтлтурта, Шеркал и Нарыкар.

Когда я позднее изучал материалы по духовной культуре народов Обского Севера, я пришел к твердому убеждению, что Валерий Николаевич был самым лучшим знатоком ритуалов медвежьих праздников и самым серьезным исследователем художественной культуры народов Югры.

Искусство никогда не было случайным, оно всегда было связано с жизнью, с современностью, с религией, “натурфилософией”. Несмотря на то, что искусство народов Югры натуралистическое, оно всегда было областью чувств, связи с внешним миром, с подражанием природе в аристотелевском смысле, в отражении мира, в его точных сочетаниях, в изображении мгновенного и изменчивого, вечного и бессмертного.

Медвежий праздник, на котором мне довелось быть, навсегда оставил впечатление, что в традиционном искусстве народов манси в каждой вещи угадывалось скрыто-таинственное, неведомое и виделось в нем нечто другое, а все действительное превращалось в небытие. Животные могли превращаться в людей, а люди в живых зверей, которых окружали души и духи, таинственные божества. И все это непостижимо мистическое превращалось на празднике в искусство, до конца правдивое, в художественное творчество народа. В нем не было элементов умствования - оно было само бытие.

Мансийский поэт и писатель Ю.Шесталов, рассказывая о медвежьих праздниках, писал, что “главное в них - игровая часть, состоящая из песен, танцев, драматических представлений сатирического характера, больше всего близка и дорога людям”. Сам он, недавно побывавший в Березово, проводил такой праздник с целью более точного возрождения этой народной традиции. В песнях он пел:

Семь седых веков суровых
За ночь мимо пролетает,
Видишь:
Жизнь таежных манси,
Жизнь охотников таежных
В плясках огненных встает.

...Вторая половина ночи медвежьего праздника проходила, в основном, в пении без сопровождения. Пели в масках, а иногда и без бутафорских костюмов. Сюжеты были самыми различными. После некоторого перерыва начались пляски под музыку. Танцующие махали платками в воздухе, стремительно выбрасывая их в разные стороны. Все пляски были подчинены определенному событию или явлению. Если поется о медведе, то обязательно делается попытка имитации его

голоса, а если о злых духах, то те, кто их изображает, сильно топают ногами, быстро наклоняются, затем стремительно разгибаются.

Таких танцев было исполнено более десяти. Плясали уже не только мужчины, но и женщины и дети. Они подражали всем движениям танцующих. Но мне казалось, что ребяташки больше подражали женщинам. Их руки так же были согнуты в локтях, а пальца немного приподняты вверх. Они то поднимали их над головой, то делали быстрый выброс ладоней от груди вверх, то в правую, то в левую сторону. Все эти движения делались в такт музыке.

В конце пляски все отдавали “дедушке” низкие поклоны и целовали его морду. Тот, кто выходил на “сцену”, подходил сначала к голове медведя и низко кланялся, о чем-то нашептывая.

Праздник закончился, когда в окно забрезжил серый рассвет. Опустела юрта. Хозяйка, подойдя к голове медведя, подвинула ближе маленький кусочек хлеба, сушеную рыбу, блюдце с брусникой, рюмку с разбавленным спиртом. Иван Павлович положил на газетный обрывок махорку, посыпал ее холодным пеплом из чувала, как бы учитывая то, что если “Кзай-Ойка” не курит, то понюхает этот табак, и подвинул его к самому носу медведя.

Иван Павлович, сидя у чувала, раскуривая трубку, как бы испытывал чувство виновности перед хозяином леса. Празднуя десятый раз праздник, он не мог найти своей вины перед медведем, памятуя о том, что Нуми-Торум, как ему рассказывали старики, сбросил медведя с неба за тяжкие грехи перед богом. Старый охотник верил, что смерть медведя была только освобождением его духа от тела. Но сама жизнь не в бесконечном уходе и приходе духа, а в том, что дух всегда живет в теле, а душе нет ни конца, ни начала.

За дверями паула еще слышались разговоры, веселый смех гостей, довольных хорошим праздником. В предрассветном небе гасли далекие звезды. На востоке занималась заря. Деревушка, окруженная со всех сторон потемневшим в утренней мгле урманом, погрузилась в свое обычное безмолвие. Ощущая его значимость, величие и необходимость, как-то не верилось, что где-то далеко-далеко, на западе, гремела великая битва... Шел 1941 год.

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК В ПРЕДГОРЬЯХ УРАЛА

В 1943 году заведующая Березовским районным отделом народного образования, бывший директор Сосьвинской семилетней школы Анна Алексеевна Коробова предложила мне заменить ушедшую в декрет учительницу начальных классов Няксимвольской школы. Я был очень польщен большим доверием. К тому же школа, как я уже осознал, это и есть мое призвание и моя жизнь.

Через два месяца после начала учебного года меня направили в Усть-Манью, самый конечный пункт Березовского района в предгорьях Урала, на замену трагически погибшей учительницы Лукиной Галины Васильевны. Усть-Манья (крохотная деревушка в несколько десятков домов), прижатая сплошной стеной тайги к Сосьве, была расположена в излучине реки, изумительная красота которой скрашивала все невзгоды глухомани.

Все жители поселка занимались охотой, рыболовством, несколько семей были оленеводами. Это был край еще не испорченный цивилизацией. Нравы, обычаи и обряды, какими они были в глубокой древности, сохранились здесь в своем изначальном бытии.

В начале ноября охотники Илья Ильич Номин и Василий Петрович Ерныхов убили уже залегшего в берлогу медведя. Весть об этом быстро облетела всех жителей деревни и ближних поселений.

Все враз оживились и стали готовиться к празднику. Юрты Номина и Ерныхова были очень маленькими, поэтому решили проводить медвежий праздник в просторной избе Н.В.Морозова, тоже охотника.

Николай Васильевич - зырянин, хорошо знал мансийский язык, вполне сносно говорил по-русски. Семья его была небольшой: жена-манси и красавица дочь. В доме всегда были чистота и порядок. Жили они хорошо, имели свое хозяйство и немного оленей.

Как только наступили сумерки, дом Морозовых наполнился людьми до отказа. Медвежий праздник начался с пения под аккомпанемент сангквалтапа, на котором играл бывший шаман и охотник Александр Иванович Енизоров.

Праздник шел примерно по одному сценарию с теми, на которых мне уже приходилось быть. Но в Усть-Манье имел некоторую особенность: на нем было больше драматических представлений и различных жанров сценического искусства.

После окончания очередной песни вышли мужчины в вывернутых малицах с довольно выразительными масками, с посохами в руках. Они изображали начало неудачной охоты на белок и дичь: сопровождали поисковые действия своих собак-помощников, так настойчиво и безуспешно отыскивающих добычу. Каждая из них "лаяла" по-своему: от фальцета до густого баритона, каждый раз меняя свой тембр при облаивании разной дичи или зверя. И каждый охотник прекрасно улавливал эту разницу, узнавая "свою" собаку. Наконец "охотники", потерявшие надежду, обратились к своей таежной покровительнице Мис-нэ, которая помогла им обрести удачу.

Тот, кто не видел певца тайги в его экстазе, едва ли сможет понять особую прелесть вогульского вокала. В "Ежегодниках Тобольского музея" есть описание этих песен. В них говорится, что вогулы воспевают самих себя, окружающую их природу - то, что видят перед собой, плывет ли он на лодке, едет ли на оленях. Он вкрадчиво начинает свою песню. Потом тон ее все более растет, наконец, переходит в смелый, уверенный тон и вдруг обрывается. Песня замолкает на одно мгновение, словно кто всхлипнет, заплачет. Затем снова начинается тихая, чарующая мелодия лесов.

Нельзя не согласиться, что песенное творение народов манси - это перевод с языка природы на язык искусства. В далеком прошлом это были былины, героические поэмы, поэтические предания. Ценность открытого М.Плотниковым эпоса вогулов настолько велика, что можно не сомневаться, что он еще привлечет внимание многих поэтов, художников и драматургов.

Большинство песенных импровизаций было связано с воспеванием самих себя, своего присутствия в этом мире и окружающей природы - все то, что они видели перед собой. Особенно поэтично-лирическими были песни о родной природе, о своей местности, о своей сопричастности к красоте леса, рек и озер. Нет сомнений в том, что даже в переводах на другие языки эти песни манси не уступают классическим произведениям других народов.

В час, как тонет на закате
Солнце в зареве красивом,
А навстречу солнцу сумрак,
Выползая из расселин,
Нуми-Торум в темном небе
Раздувает над землею
Жар костров из щеп смолистых,
Чтоб по ним вогулы-манси,
Находясь в пути к паулам,
Прямо нарты направляли...
Вместе с сумраком выходит

Из воды, из старых дупел,
Бурей сваленных деревьев,
Из глубоких нор барсучьих,
Скрытых в сучьях среди леса,
И крадутся незаметно,
Меж дерев перебегая,
К огонькам паулов сонных,
Чтобы в души человечьи
Мысли полные тревоги
Про себя промолвит каждый.

В вогульских песнях с поразительной душевностью, с глубоким чувством лирики и восторженности описываются отдельные явления природы и быта народов, здесь проживающих:

Вдруг поднялся сильный ветер,
И валы, как струны гуса,

Зазвенели на приплеске.
Кулики с тревожным свистом

Змейкой огненной метнулся
Отблеск молнии проворной.
И ударил гром с размаху
По земле из темной тучи...
Гром гремел по темной юрте
Тени робкие скользили,
Это духи вместе с Ойкой
Замелькали над водою.
В небе темном и угрюмом,

Как тайга, на сучьях ели
О грядущем ворожили
Это буря-непогода
Долго-долго не утихнет.
Пусть шаман себе камлает,
Ворожит пусть на здоровье,
Спутав правду с небылицей,
Он ведь может ошибиться?

Во многих вогульских песнях есть поэтическое описание очарования зимы, осени, весны и лета, неповторимости сибирских вечеров и ночей:

На реке, где неподвижно
Лес янтарный отразился,
Солнце на покой клонилось
Золотистой головою,
Припадая к дымным кедром,
Одевая лес и берег,
Жарким огненным дыханьем...

Ночь и тьма сошли на землю,
В небесах зажглися звезды,
Совы, филины, как тени,
Как отверженные души,
В тишине осенней ночи
Меж деревьев замелькали...

Только в старых сагах вогулов, восхищенных красотой окружающей их богоданной природой, могли зарождаться такие удивительно талантливые песни:

Лес шумел, внизу, в пауле,
Громко лаяли собаки.
Над урманами высоко
Белоснежными комками
Облака к востоку плыли.

Там прозрачно голубое
Небо светом трепетало,
Словно невод с мелкой рыбой
Чешуей и поплавками...

...К исходу третьей ночи праздника начались драматические представления. Одна из сцен состояла в том, что пришедшие из

костюмерной были в маскарадных одеждах. Они изображали оленей, олененка, рыжую лисицу, ворону, журавля. Когда "охотник" с "сыном" подходили к пасущимся "оленям", то "птицы" предупреждали их об опасности тревожными криками, а рыжая "лиса", наоборот, прячась за елочкой, нетерпеливо ждала трагической развязки. Когда "охотники" стали натягивать тетевы луков, "птицы" еще громче закричали, а "мать-олениха" закрыла собой "олененка". Наконец, выбрав удачный момент, стрела "охотника" ранила "олененка" и он упал на колени. Обезумевшая от горя "мать" бегала вокруг раненого, лизала языком его рану, сокрушенно мотая головой.

Добивать "олененка" отец поручил сыну. Выпущенная стрела поразила "олененка" насмерть, а "мать-олениха", презрев страх перед "охотниками", склонилась над ним, встав на колени, все еще не веря в гибель своего "дитя". Спустя много лет, на этот сюжет мною была написана картина "Древний театр вогулов", которая хранится теперь в фондах Ханты-Мансийского окружного музея.

Эта сценка была полна не только драматического, но и философского смысла. В ней, с одной стороны, утверждалась в художественном отображении философия борьбы за выживание, с другой - она раскрывала трагедию живого мира в показе его естественных связей, напоминала о силе любви, которая присуща живому миру. И, наконец, эта сценка несла в себе и педагогическую нагрузку.

Затем началась новая сценка: три человека "поехали" на оленях на заповор за рыбой. Возвращаясь, они потеряли своего товарища. Поиски сопровождались призывами, мольбами к духам, с просьбой помочь им найти отставшего от них рыбака. Когда они нашли его замерзшим, встав на колени перед ним, стали его оплакивать. Уныло звучал сангквалтап, сливая монотонное пение скорбящих в траурную музыкальную драму...

Завершила эту праздничную ночь опереточная сценка, в которой участвовали двое мужчин. Они сели на пол. Один из них стал в песнях укорять некоторых из присутствующих в безделье и лени. Он пел о том, что сам он очень трудолюбивый и всегда поэтому убивает

больше белок. Ему вообще везет в жизни потому, что он человек не ленивый. Как-то летом он был в Няксимволе и услышал, как пели в церкви. Он пошел туда, поставил Торуму свечку и Николе Чудотворцу, послушал молитвы. На выходе из церкви он встретил монашку. Она с радостью согласилась на его любовь...

Второй отбивал ритмы музыки посохом, что-то подпевал выдумщику-хвостуну, а в конце песни они разом упали на пол, катаясь от громкого смеха. Все присутствующие в избе поддержали выдуманную сценку.

Когда закончился праздник, Николай Васильевич пригласил приезжих гостей и меня к столу. Среди гостей был и Николай Андреевич Сирин - будущий начальник Полярно-Уральской экспедиции, доктор геолого-минералогических наук. На сей раз Николай Андреевич торопился с добрыми вестями в Москву по поводу открытия новых больших залежей полезных ископаемых, так нужных стране в трудные годы войны.

Николай Андреевич, скитаясь по уральской тайге и таежным паулам, много раз бывал на медвежьих праздниках. Он очень тепло отзывался о сценических вымыслах и сюрпризах театральных представлений этого, по его словам, самого популярного национального праздника. Его удивляло само происхождение вогульской драмы, поражало объединение в одно целое пения, музыки, танца в отражении какого-нибудь события или явления. Это действительно уникальный и до сих пор неизученный феномен.

Николай Андреевич, касаясь преданий, былин, мифов, которых он знал много, находил их похожими на устные традиции других народов. Так, например, в османских поверьях о зверях много сходного с вогульскими воззрениями на священное происхождение медведя. Он видел много совпадений и с другими религиозными поверьями. Например, вера в то, что сова, которая села на крышу дома, приносит смерть; вера в очистительную и священную силу огня, в который нельзя брызгать водой. Как у османов, так и у вогулов огонь - символ счастья семьи. Когда дрова издают при горении сильный треск, то это знак того, что кто-то из недругов хозяина дома злословит против него

(“люль кан тынг потыр”), а если пламя высоко поднимается вверх - значит, придет гость и т.д.

Таких совпадений в религиозных поверьях, в обычаях, обрядах народов манси с другими народами можно привести великое множество. Исследователь драматического искусства народов манси прошлого века Артур Канисто писал: “...невольню навязывается сравнение вогульского драматического искусства с греческим, римским, каковыми они являются в своей первоначальной стадии развития, и нельзя не констатировать некоторых совпадений”.

Несомненно одно: вогульское драматическое искусство в конце прошлого века, особенно это видно в медвежьих праздниках, заложило начало не только драмы, но и зачатки национальных опер, оперетт и кукольного театра.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В послевоенные годы в художественном воспитании трудящихся Ханты-Мансийского округа большую роль продолжало играть традиционное изобразительное творчество. В эти годы начинает складываться сюжетный рисунок и жанровая живопись. Для более широкого приобщения к изобразительному искусству в августе 1945 года было создано областное товарищество "Художник". В 1946 году прошла первая областная художественная выставка, на которой экспонировалось более ста работ северных самодеятельных художников. С этого года выставки в области стали традиционными.

В 1952 году в ряде районов Ханты-Мансийского округа также были проведены смотры изобразительного искусства. В Березовском районе, например, было представлено 172 работы самодеятельных художников ханты и манси.

Изобразительное искусство шагнуло к людям, живущим в самых отдаленных юртах и паулах. Начальник культбазы в Казыме в 1954 году рассказывал, что с целью привлечения и показа народных талантов было решено провести сельские смотры в избах-читальнях. На выставки изобразительного искусства было представлено 72 работы. Участвовало в смотре 28 человек, из них 22 человека из коренных жителей Севера.

В 1958 году в Ханты-Мансийске была проведена выставка народного творчества. Было представлено более 1000 экспонатов декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Об итогах этой выставки областная газета "Тюменская правда" писала: "Первая окружная выставка показала различные стороны экономики, быта, культуры национального округа, раскрыла социально-культурные преобразования в жизни когда-то отсталого, обреченного на вымирание местного населения ханты, манси и коми".

В изобразительном искусстве народов Севера получили развитие живопись, графика, скульптура по дереву. Росло мастерство художников: манси Гындыбина, ханты Чучелина и Тебетева. Их творчество стало продолжением и развитием художественных традиций северных живописцев Н.Натускина и К.Панкова.

В январе 1959 года в Ханты-Мансийске прошла очередная выставка изобразительного искусства. В ней участвовало 142 ханты и манси (общее число участников - 240 человек). Хороший отзыв на этой выставке получили работы Тебетева, Матошина, Тарлиной, Вагатовой, Супруновой. Высокую оценку получили национальные костюмы, сшитые жителями Березовского, Самаровского, Сургутского и Микояновского районов. (Тоголмазова, Тарлина, Евлахова, Хатанзеева и Кугина). Вот один из отзывов в книге: "Выставка Ханты-Мансийского округа дает яркое представление о культуре народа. Особенно выделяются работы по дереву П.Е.Шешкина. Замысел его прост, легко доходит до любого человека. Когда смотришь на его работу "Миру-мир", то удивляешься мастерству этого человека - потомка когда-то лесных кочевников".

Большую роль в развитии художественной культуры народов Севера сыграло сценическое искусство, музыкальная и хоровая самодеятельность. Эти массовые виды, благодаря своей популярности и возможности объединять чувства, мысли и волю людей, были необходимы в коллективном развитии национального художественного творчества. Во всех учреждениях культуры велась планомерная работа по музыкально-эстетическому воспитанию. В каждом культурно-

просветительном учреждении были хоровые и музыкальные кружки, они готовили людей, способных приобщиться к настоящей музыке, к пению и нотной грамоте.

Еще в предвоенные годы во многих сельских клубах, в школах и Домах народов Севера сложилась практика коллективного прослушивания песен по радио, по грамзаписям. Именно такая работа по приобщению к музыкальной грамоте возложила основы творческого отношения к художественному потреблению. В послевоенные годы представители коренных национальностей накопили известный опыт воспроизведения музыки не только средствами голоса, но и с помощью музыкальных инструментов.

Культурно-просветительные учреждения создавали такой репертуар, который воспитывал самодеятельные коллективы в духе творческого отношения к музыке. Такие меры расширяли массовость, они содействовали повышению мастерства исполнителей. Все это в определенной мере способствовало развитию эстетического вкуса и художественного чувства людей. Постепенно вошли в репертуар художественной самодеятельности произведения русской и зарубежной классической музыки, народные танцы, песни и произведения хореографии.

В конце 1940-х годов стали проводить смотры национальной и русской песни. Лучшими коллективами художественной самодеятельности были признаны из Самаровского клуба рыбаков, окружного Дома народов Севера, Кондинского района.

Музыкальное творчество, песни, танцы заняли прочное место в общей системе мер по повышению художественной культуры народов Севера.

К примеру, в Березовском районе в 1952 году было вновь создано при учреждениях культуры 30 новых хоровых, музыкальных и танцевальных коллективов. В них вновь влилось более 300 человек из лиц коренной национальности. Среди них была Сангина Мария Васильевна - доярка колхоза из юрт Хуллор Казымского Совета, создательница песен "О Новинском песке", "Песня о Казыме";

Тоголмазова Дарья Григорьевна - автор национальных танцев Казыма; Алычева Зоя Ефимовна - автор бытовых частушек и национальных танцев. З.Е.Алычева стала участницей Всероссийского смотра в Москве.

В ходе районных смотров выявились новые молодые таланты. Сценическое искусство явилось одним из важных средств развития творческой активности масс и роста общей национальной художественной культуры. Так, например, в Тугиянском сельском клубе (Березовский район) был поставлен концерт для женщин на хантыйском языке. В репертуаре были песни "Расцветай, Сибирь", "Песня о Родине", "Колхозная песня", "Песня о жизни Севера" и др. Исполняли их местные колхозницы М.М.Гришкина, М.М.Сабурова, З.Е.Курикова. Большим успехом пользовались исполнительницы национальных песен И.Д.Неттина, Д.К.Неттина, Д.Х.Гындыбина и др.

Немалую популярность в эти годы приобрели оркестры народных инструментов. Репертуарный диапазон музыкальных коллективов показал возросшие интересы слушателей и вкусы самих исполнителей. В 1950-е годы в городах и поселках Обского Севера начали открываться музыкальные школы. В них, кроме обучения детей, систематически проводились курсы по обучению колхозных баянистов.

В конце 1958 года был проведен окружной смотр национальной самодеятельности. В нем приняло участие более 400 человек из лиц коренной национальности. Творцами художественных ценностей становились охотники, рыбаки, оленеводы. В этом состояла главная сущность искусства - оно становилось достоянием всего народа. У тружеников Севера появилась возможность для развития присущих им творческих сил, доказательством того, что именно они являются истинными создателями новой культуры. В национальной самодеятельности начинают появляться крупные драматические произведения. Силами участников национальной самодеятельности Березовского района была поставлена пьеса "Ась" ("Обь-матушка"). Перевод этой пьесы с русского на мансийский сделали учитель

Сосьвинской школы А.В.Голошубин и заведующий красным чумом И.А.Хатанзеев. В постановке пьесы приняли участие колхозники, полеводы, рыбаки, учителя и врачи.

✓ Коллектив национального творчества Сургутского района поставил пьесу на хантыйском языке "Где-то в тундре". Выступил сводный хор красных чумов. В исполнении сургутян Ермаковой и Кечимовой прозвучала песня "Тайга" на хантыйском языке. Хантыйскую лирическую "Песню охотника" исполнили авторы Прокопенко и Котесова. Хантыйские песни на национальных инструментах были исполнены Усановой и Купландеевой.

В июле 1959 года в Тюмени, во время творческого отчета Ханты-Мансийского округа, участники художественной самодеятельности выступили в цехах заводов и предприятий, в рабочих клубах и в театре областного центра. Под руководством Т.Ф.Петровой-Бытовой была поставлена пьеса "Ась", которая пользовалась большим успехом. В постановке супругов Бытовых впервые прозвучала на сцене национальная сюита "Цветы, наш край".

В заключительном концерте творческих отчетов национальных округов прозвучали стихи мансийских поэтов Ю.Шесталова, М.Шульгина, А.Тарханова, писателей Ямала И.Истомина, Л.Лапцуня, П.Хатанзеева и др.

В 1960 году хантымансийцы в городе Тюмени показали созданную ими сюиту "Цветы, мой возрожденный край", составленную по материалам собранного национального фольклора, а оркестр русских народных инструментов исполнил увертюру из оперы Бизе "Кармен". В Доме народов Севера (г. Салехард) была поставлена опера "Запорожец за Дунаем".

В национальных округах Обского Севера начали создаваться народные театры. В их репертуаре были пьесы: "Левониха на орбите", "Стряпуха", "Стряпуха замужем", "Человек в отставке", "Миллион за улыбку", произведения М.Горького "Последние", "Васса Железнова", А.Н.Островского "Воспитанница", "На бойком месте" и т.д.

Народное, сценическое искусство, самодеятельное творчество стали подлинной школой художественного воспитания. Развитие национального сценического, изобразительного, декоративно-прикладного искусства - неоспоримое свидетельство того, что они стали важнейшими средствами эстетического воспитания. Художественная самодеятельность превратилась в средство формирования духовного облика современного человека. Она стала массовой формой художественного творчества в формировании новой народно-демократической по содержанию и национальной форме культуры народов Обского Севера.

В послевоенные годы выросла большая группа талантливых прозаиков и писателей: И.Истомин, Г.Лазарев, Ю.Шесталов, И.Юганпелик, А.Тарханов, Л.Лапцуи и др. Их произведения выражали уже более глубокие понятия, отражали сложные процессы в жизни ханты, манси, ненцев, селькупов и коми. Молодая национальная литература, преодолев узость автобиографических повествований, сюжетов о чумах и шаманах, о старинных поверьях и сказаниях, перешла к раскрытию магистральных тем, какими живут другие народы. "Сегодня художник Севера, - писал Ю.Шесталов, - поет не только о таянии снегов и о своем человеческом пробуждении, но и глубоко задумывается о смысле жизни и о своей причастности к огромному и сложному миру..."

Однако все же наиболее массовым и важнейшим среди развития художественной культуры оставалось самодеятельное народное творчество. Оно было главным условием подъема национального искусства, в котором фольклорное наследие прочно вошло в современный репертуар всех коллективов художественной самодеятельности. Она была главнейшим фактором массового художественного творчества, средством раскрытия народных дарований людей, историческим итогом, в результате которого сформировалась культура народов Югры.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

К своему духовному совершенству человек стремился всегда. Еще в эпоху древности великие мыслители Платон и Аристотель пытались выработать общечеловеческую мораль, ее нормы для всех времен и народов. Впервые же эти нормы были объединены в нагорной проповеди Христа, и остались святым законом всей человеческой нравственности на все времена. Как только общество отступало или нарушало эти заповеди, начинался духовный распад, который приводил к неизбежной катастрофе всей социально-экономической системы общества.

Дольше всех в истории России на уровне морально-этических норм христианства держались народы Сибири. В период духовно-нравственного распада, начавшегося в годы “перестройки”, эти губительные процессы пришли и на приполярные окраины России. Произошло то, о чем нас и предупреждали великие мыслители прошлого века. Так, например, философ и экономист С.Н.Булгаков писал: “Народно-хозяйственный механизм теряет жизнь, если его покидают силы духовные”.

Сейчас в России уцелела только одна структура - это православная церковь, понесшая в свое время огромнейшие потери. Церковь, как самая жизнеспособная сила, сегодня может составить фундамент той философии, которая способна возродить духовность русского народа и его малочисленных соседей.

Однако возрождение духовности - это не просто возврат к средневековью, это не подключение России к "канализации" Запада с его дикими понятиями "свободы". Это возврат к торжеству христианского социализма, к уважению людей труда, честности, добра и справедливости. Это становление той свободы человеческого духа, которая воплощена в христианском мировоззрении.

Нравственные ценности этого мировоззрения имеют настолько всеобщий характер, что они использовались до недавнего времени в качестве норм и принципов коммунистической морали. Сегодня даже самые воинствующие атеисты смирились с выводами о том, что учение Христа было революционным поворотом к становлению культуры и нравственности. Христианство, как мировая религия, не знает ни национальных, ни сословных, ни государственных границ, оно обращено всегда к человеку и выражает общечеловеческие нормы морали.

Пришло время в России идти к храму, не разбрасывать, а собирать камни. Пришло время, которое диктует необходимость восстановить христианское мировоззрение, христианскую философию, ее мораль и нравственность. Это становление должно сформировать новую философию, новую идеологию. Хотим мы этого или не хотим, но мы должны признать, что "трансформация общества" начинается с изменения идеологии, которая потом распространяется на социальные и экономические отношения.

Только религиозная философия, как фундамент новой идеологии государства Российского, может явиться единственной основой, в центре которой должна быть человеческая личность, как ипостась всеединства и высшего творения мирового Разума. Новая философия должна признать первичность духовного начала и вторичность бытия, восстановить истинность в том, что в начале было Слово...

Новая идеология должна признать христианские заповеди основой становления отечественной культуры и нравственного самосознания человека.

Русская философская мысль в середине XIX - начале XX века показала, что христианство - это истинная православная вера, как

истина разума и жизни для всех больших и малых народов. Русская философия прошлого века явилась итогом мировоззренческой истории за многие века, прочно заняв главное место в русле мировой цивилизации. Она боролась за святость человеческого бытия и его культуры, сформированных разумом за многие тысячи лет ее истории.

Способны ли мы в настоящих условиях "вседозволенности" возродить те нормы морали и нравственности у наших народов до тех уровней духовной и художественной культуры, какими они были в эпоху Пушкина, Толстого и Достоевского?

Существует ли вообще теория, с помощью которой можно возродить Россию? Несомненно. Христианский социализм, как теория, был оформлен еще славянофилами, а позднее углублен философией Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, В.С.Соловьева, С.Н.Булгакова и других мыслителей России. И при самых различных современных моделях социальной справедливости он имеет право на жизнь.

Было ли случайным совпадение эпохи духовного Ренессанса в России с ее экономическим процветанием? Было ли случайным в России ее престиж в Европе с достижениями нравственного духа в области науки, литературы и художественной культуры? Нет. Это была не случайность в истории. Это было доказательство неразрывности единства высокой культуры, нравственности, политики и экономики, которые в равной степени были освещены христианским православием.

Возможно ли теперь возрождение русской художественной культуры? Да, при условии преемственности художественных традиций, возвращения им прежней философии искусства, обретение прежней нравственности и морали. Другого не дано.

Октябрьское, 1996 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Н.А.Абрамов. О введении христианства у березовских остяков. СПб, 1851.
- В.Ф.Зуев. Материалы по этнографии Сибири (1771-1772), М.-Л., 1947.
- В.Н.Чернецов. "Усть-Полуйское время в Нижнем Приобье". - В кн: Древняя история Нижнего Приобья. М. 1953.
- И.Н.Гемуев, А.М.Сагалаев. Религия народов манси. Новосибирск, 1986.
- Г.Н.Новицкий. Краткое описание о народе остячком (1715). СПб, 1884.
- Г.Ф.Миллер. Описание Сибирского царства. СПб, 1787.
- А.П.Окладников. Утро искусства. Л. 1967.
- С.А.Токарев. Религия в истории народов мира. М. 1964.
- И.В.Суханов. Обряды, традиции, обычаи. Горький, 1973.
- Е.С.Новик. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984.
- П.А.Словцов. Историческое обозрение Сибири. СПб, 1886.
- Н.Л.Скалозубов. "Ежегодник Тобольского губернского музея", вып. XII, 1901.
- С.В.Бахрушин. Сибирские туземцы. Ж."Советский Север", 1929.
- Г.Н.Потанин. Нужды Сибири. СПб, 1908.
- Н.М.Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб, 1891.

А.Н.Пыпин. Характеристика литературных течений от 1820 до 1850 гг. СПб, 1906.

М.П.Погодин. Историко-критические отзывы. Соч. Т.1, М. 1846.

А.Г.Базанов. Очерки истории миссионерских школ на Крайнем Севере. Л. 1936.

З.Н.Куприянова. Современность в лирических песнях народов Севера. Л. 1967.

М.П.Вахрушева. На берегах Малой Юконды. Тюмень, 1963.

И.Ф.Беленкин. Вечный свет. Новосибирск, 1973.

А.К.Омельчук. Рыцари Севера. Свердловск, 1982.

Ю.Н.Шесталов. В краю Сорн-най. Профиздат, Москва, 1976.

Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал государственного архива Тюменской области, партийный архив Тюменской области, Центральный государственный архив Октябрьской революции, Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа и многие другие источники.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	3
Древнейшее искусство.....	4
Традиционное искусство эпохи средневековья.....	14
Основоположники исторического краеведения.....	22
Сибирское областничество.....	32
Сибирь и духовный Ренессанс России.....	35
Художественная культура в 1920-1940 годы.....	46
Художественная культура в годы войны.....	60
Первые представители художественной интеллигенции.....	65
Медвежий праздник на Северной Сосьве.....	71
Медвежий праздник в предгорьях Урала.....	79
Художественная культура в первой половине XX века.....	86
Вместо эпилога.....	92
Список литературы.....	95

Тимофеев Геннадий Николаевич

МУЗЫ НАРОДОВ ЮГРЫ

Очерки по истории художественной культуры народов Обского
Севера

Рецензент М.Е.Бударин, доктор исторических наук, профессор Омского педагогического университета; член-корреспондент Сибирского отделения Академии наук высшей школы России; ст. научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии.

Редактор В.Киселев

Ответственный за выпуск А.Мишунин

Технический редактор С.Сметанин

Обложка художника В.Довгана

Корректор В.Пырысева

Подписано в печать 7.05.97 г.

Формат 60x84/16. Гарнитура "Academy". Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл.печ.л.7. Уч.изд.л.3,5.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Редакция журнала "Югра"

626400, Тюменская область, г. Сургут, ул. Маяковского, 12 а.

Сургутская городская типография

626400, Тюменская область, г.Сургут, ул. Маяковского, 14.

Херасов - с 3-14

Бударин М.Е. с 14-

Исследования

культурное собрание

X

212302004
Окружная библиотека

